

**1941-1945
ВЕЛИКАЯ
И НЕИЗВЕСТНАЯ
ВОЙНА**

О.Г. Жукова

КУЛЬТУРНЫЙ ФРОНТ

Великой Отечественной войны

1941–1945. Великая и неизвестная война

Ольга Жукова

**Культурный фронт Великой
Отечественной войны**

«ВЕЧЕ»

2020

Жукова О. Г.

Культурный фронт Великой Отечественной войны /
О. Г. Жукова — «ВЕЧЕ», 2020 — (1941–1945. Великая и
неизвестная война)

ISBN 978-5-4484-8520-6

Эта книга рассказывает о культурных событиях и явлениях, происходивших на огромных пространствах СССР в годы Великой Отечественной войны. Наперекор войне, продолжали работать кинотеатры, библиотеки, музеи, картинные галереи, театры, клубы, избы-читальни, в школе началась важнейшая реформа. Гастролировали по всей стране и на фронтах концертные бригады, филиалы известных театров и художественная самодеятельность. Командировались в действующую армию и в партизанские края художники, кинооператоры, журналисты, чтоб запечатлеть бои. И самое удивительное – строилось и открывалось множество новых очагов культуры – театров и музеев. Эти и многие другие события культурной жизни, невиданные в истории войн, возможны были потому, что велика и самоотверженна была армия бойцов культурного фронта, как называли в то военное время работников искусства, просвещения, литературы, готовая перенести любые лишения и неурядицы своего быта ради Победы.

ISBN 978-5-4484-8520-6

© Жукова О. Г., 2020

© ВЕЧЕ, 2020

Содержание

Вступительное слово	6
От автора	7
Культ культуры в воюющем СССР	10
Просвещение – это культура и образование	15
Говорит и готовится показывать – Москва	34
Газета и журнал – не только пропаганда	50
Читать, чтобы... Победить!	64
Конец ознакомительного фрагмента.	68

Ольга Жукова
Культурный фронт Великой
Отечественной войны

© Жукова О.Г., 2020

© ООО «Издательство «Вече», 2020

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2020

Сайт издательства www.veche.ru

Вступительное слово

Мне часто приходится встречаться с молодыми писателями и поэтами, со школьной и студенческой молодёжью, учившей родную историю по учебникам Сороса, в которых Великая Отечественная война именуется «Восточным фронтом» и отводятся ее истории считанные страницы. Такое ложное представление о великой войне уродовалось и продолжает уродоваться множеством новых книг ревизоров истории XX века, и прежде всего – истории нашей страны, истории великой нашей Победы над фашизмом во Второй мировой войне.

Повседневная жизнь фронта представляется этими авторами как постоянный страх бойцов и командиров перед штрафными ротами и заградотрядами. А повседневная жизнь трудового тыла – как плач и страдания от беспросветной работы, похоронок на родных и близких, голода, холода и уныния.

И приходится слышать от молодых, что вдохновляющие военные песни «Смуглянка» или «В лесу прифронтовом», стихи К. Симонова и О. Берггольц, «Василий Тёркин» А. Твардовского, публицистика А. Толстого, И. Эренбурга, М. Шолохова, фильмы «Два бойца» или «Небесный тихоход» – это всё пропаганда и агитация, далекая от реальности.

Книга «Культурный фронт Великой Отечественной войны» члена Союза писателей России, кандидата исторических наук Ольги Германовны Жуковой как раз очень убедительно доказывает, основываясь на достоверных источниках – документах архивов, статьях из газет военной поры, из писем, дневников и воспоминаний участников и очевидцев, что в СССР, когда «говорили пушки», музы не молчали, как им положено в годы войн. Они, напротив, вдохновляли деятелей культуры и искусства создавать произведения – шедевры во всех жанрах.

Мне как члену жюри премии «Имперская культура» им. Э. Володина довелось ознакомиться с научной монографией кандидата исторических наук Ольги Жуковой «Культурная жизнь СССР как феномен повседневности Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.», за которую она удостоена звания лауреата. И затем на встречах с молодёжью приводить из этой монографии яркие и убедительные примеры насыщенной культурными событиями и явлениями жизни и на фронте, и в трудовом тылу: концертные бригады, выездные спектакли, передвижные киноустановки и тоже передвижные художественные и книжные выставки. Премьеры спектаклей и в местных театрах, и в эвакуированных, и во вновь открытых, несмотря на войну, театрах оперы и балета (!) в Алма-Ате, Сталинабаде (Душанбе), Ашхабаде. Такая была национальная политика, укрепляющая дружбу народов.

Очень удивляют и заметно радуют молодых, прибавляя гордости за поколение наших дедов-прадедов, сюжеты из книги Жуковой, как наши кинодокументалисты летали на борту истребителя, чтобы снять воздушный бой, рискуя своей жизнью, или участвовали в подрыве партизанами гитлеровских эшелонов... Или как музейные работники спасали ценности музеев во время оккупации, или как библиотекари шли с газетами, книжными новинками, склеенными из газетных вырезок книжечками из самых ярких статей или стихов в глухие деревни, куда не успели провести радио...

И тогда понимаешь, что не зря называли деятелей культуры в те суровые годы бойцами культурного фронта и что действительно был тогда культ культуры, которому поклонялись и на фронте, и в тылу и который чрезвычайно помогал твёрдо верить в обязательность Победы и вёл к ней. Отрадно, что та научная монография переросла в яркую публицистическую книгу малоизвестных или вовсе неизвестных ранее фактов и явлений культуры, актуальна сегодня, когда развязана против нашей страны жесткая информационная война.

Председатель Союза писателей России Н.Ф. Иванов

От автора

Я посвящаю эту книгу светлой памяти моего деда – «крылатого партизана» Николая Ивановича Жукова, как называли его журналисты.

Книга – результат многолетних исследований в архивах и библиотеках. Мне довелось изучить множество газет и журналов военного времени, прочесть письма и воспоминания участников и очевидцев. А собирать следы и отголоски давних, уникальных для военного времени событий я начала под влиянием дедушки Жукова Николая Ивановича, лётчика и комэска 2-го отдельного авиаполка ГВФ, ставшего затем за боевые заслуги 105-м гвардейским отдельным Паневежским ордена А. Невского авиаполком ГВФ.

Дед совершил за войну более 250 полётов в тыл врага к сражающимся в окружении воинским частям, к партизанам Смоленщины и Белоруссии – с боеприпасами, взрывчаткой, медикаментами, почтой, обратно вывозя раненых, больных и детей. О чём рассказал знаменитый документальный фильм «Народные мстители», вышедший на экран в 1943 г.

В ту пору за сбитый партизанский безоружный По-2 асам люфтваффе платили 2000 марок. Это в два раза больше, чем за сбитый наш истребитель. А «за голову лётчика Жукова», летавшего на самолёте с «несчастливым», по западным поверьям, номером 13, гитлеровцы в листовках, сохранившихся в архиве, обещали 50 000 марок, орден Железный крест и поместье с наделом земли и крестьянами¹.

Командование оценило вклад капитана Н. Жукова в Победу, наградив орденами Ленина, Красного Знамени (оба – ещё на винтах, знатоки оценят!) и Отечественной войны 1-й степени (наоборот, на колодке с лентой) и славными «солдатскими» медалями «За отвагу», «За боевые заслуги», «Партизану Отечественной войны» 1-й степени, «За взятие Кёнигсберга», «За победу над Германией». Но никогда дед своим «иконостасом» не хвастался, да и не сожалел ни о чём, считая главной наградой фронтовой судьбы, её подарком – саму Жизнь.

Это он вместо колыбельных пел мне военные песни, вместо сказок рассказывал фронтовые были. Смешил лётными байками, розыгрышами и шутками-прибаутками. С ним я учила стихи и песни – русские народные и советские фронтовые. Он записал меня с пяти лет в библиотеку, где мы вместе выбирали себе книжки: я – сказки, он – военные мемуары и исторические романы. Он водил меня в музеи – Исторический, Вооружённых сил, в Музей революции... Он всегда поддерживал мои игры – «в театр», «в библиотеку», «в почту», «в школу»...

Но главное – дедушка брал меня с собой на встречи с однополчанами в День Победы и на «Партизанский костёр» в Измайловском парке. Их застолья проходили как-то очень красиво и трогательно. И всегда – тост за погибших товарищей, обращаясь к ним по имени, будто они рядом и всё слышат. Потом дружно пели песни: лирические, народные и свои лётные – шуточные. И не раз мы, дети и внуки, слышали признания фронтовиков: «Мы воевали и победили, потому что гнали от себя уныние. Пели, плясали и шутили. И вы, внучата, не допускайте уныния! Живите наперекор всему и всем – радостно!»

Земной путь моего деда окончился 8 июня 1989 года, но не проходило и дня, чтобы я не вспомнила о нём.

...На фото из семейного архива – молодая семья Жуковых в г. Калинин (ныне – Тверь), где в 1943 г. находилась база 105-го полка ГВФ. Мой дедушка – Николай Иванович, мама – Людмила Николаевна (тогда просто – Люка), бабушка – Ираида Павловна, учительница. Снимок сделан фотокором фронтовой газеты «Вперёд, на врага!» Борисом Вдовенко. В этой газете публиковались его аэрофотоснимки с борта самолёта По-2, который вёл «пилот Н-й части Н. Жуков».

¹ История гражданской авиации СССР. М., 1983. С. 135.

Это фото из семейного альбома для меня – одно из бесценных свидетельств военного времени. Его всестороннее изучение привело к тому, что стали появляться в моём личном архиве и другие фотографии, документы, открытки, письма тех лет.

В небольшой фотогалерее, размещённой на страницах этой книги, вы увидите лишь несколько снимков моей семьи и боевых друзей моего дедушки, остальные – люди мне неизвестные. Их фото, вслед за орденами и медалями, стали сегодня предметом купли-продажи. Они оказались ненужными беспамятным потомкам, продавцам квартир ушедших одиноких стариков. Безвозвратно гибнут личные архивы и семейные альбомы... Но малую часть их удастся спасти коллекционерам исторической памяти народа.

В большинстве своём это любительские фотографии. Они пожелтели от времени, выцвели или, наоборот, потемнели. Да и изначально были далеко не идеального качества. Но сегодня нам важно видеть именно их – неретушированных и неприукрашенных свидетелей героического подвига миллионов наших предков.

Вглядитесь в их лица! Это жизнерадостные, отважные, мужественные и прекрасные люди, знающие, что в следующую минуту они могут быть убиты или ранены осколками снаряда, снайперской пулей или – в бою, могут потерять родных и близких. Но в редкие минуты

затишья они поют, танцуют, играют в самодеятельных спектаклях, декламируют стихи, слушают пластинки, радио, смотрят концерты артистов фронтовых бригад, пишут письма домой и много читают – книги, газеты, журналы... Такая у них насыщенная культурная жизнь! И на фронте, и в трудовом тылу... Такой культ культуры...

Культ культуры в воюющем СССР

«Русский народ, который может так сильно бороться за свою идею, я говорю, – почти святой!»²

Очень жаль, что эти удивительные слова Чарли Чаплина о русском народе, сказанные 29 мая 1943 г. на митинге в г. Сан-Франциско, требующем открытия Второго фронта, не были опубликованы в широкой прессе Советского государства, официально декларирующего атеизм. Но можно предположить, что к таким немодным в Советской России представлениям о «святости» привели большого защитника «маленького человека» культурные новости из СССР: выставка советских плакатов, зовущих к победе с первых дней нашествия, ретроспективы советских кинофильмов с охватом истории страны от XIII века до XX – «Александр Невский», «Суворов», «Броненосец Потёмкин», «Чапаев», «Волга-Волга»...

Потрясающее впечатление в удалённой от войн и смертей Америке вызвали советские документальные фильмы, показавшие железную решимость советского народа выдержать любые тяготы и лишения ради Победы: «XXIV-й Октябрь. Речь И.В. Сталина» – о параде советских войск на Красной площади в Москве 7 ноября 1941 г., и «Разгром немецко-фашистских войск под Москвой», награждённый «Оскаром» как лучший зарубежный фильм 1942 г.

И конечно долетали до заокеанских США радиопередачи из Москвы и даже из блокадного Ленинграда: краткие и невозмутимо-уверенные сводки Совинформбюро, бодрые, зажигательные песни без грусти и уныния. Выступления известных учёных, деятелей искусств, военачальников, рабочих-стахановцев, колхозников-передовиков...

Да и аккредитованные в СССР иностранные журналисты из стран-союзниц по антигитлеровской коалиции старались давать объективную информацию.

Так, американский журналист Л. Сулицбергер восторженно писал в журнале «Лайф» о переброске за считанные недели с запада, из-под носа наступающего врага, на восток тысяч промышленных предприятий с рабочими и инженерно-технической интеллигенцией, научных и учебных институтов и культурно-просветительных учреждений с их ценностями, заключая, что «этот существенный в гигантских масштабах перевод промышленности на восток – одна из величайших саг в истории». Для осуществления этой саги у страны нашлось 1,5 млн вагонов, иначе – 30 тыс. составов³. И эта «величайшая сага» позволила уже в 1942 г. воссоздать мощный потенциал для дальнейшей борьбы до Победы – научный, военно-промышленный и культурный! И погнать врага, устраивая теперь уже ему пережитые Красной Армией в первый период войны «котлы», «мешки» и «клещи».

Всем было понятно, что СССР тратит на военные расходы колоссальные средства плюс платит золотом за помощь союзников боевой техникой и тушёной-сгущённой. Но после потопления одного из кораблей с драгоценным металлом, который лёг долгом на СССР, пришлось перейти на ленд-лиз – аренду гражданской техники с возвратом, покупку боевой техники, продуктов и промтоваров – в кредит под высокие проценты. Будто это не наши деды-прадеды три года до открытия «второго фронта» держали фронт и гибли, срывая известные теперь планы Гитлера на захват и заокеанских США, и заморской Британии.

388 млн руб. в среднем в сутки (!) тратила страна только на военные расходы⁴. Помножьте на 1418 дней войны...

...Но эта гигантская «цена победы» была бы ещё выше, если бы не удивлявшая Запад с его установкой на индивидуализм, на личное благополучие, информация из СССР о пора-

² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 123.

³ Военные сообщения за 50 лет. М., 1967. С. 46.

⁴ Силищев А.М. Всенародная помощь фронту. М., 1985. С. 189.

зительном явлении – бескорыстной помощи населения всех советских республик Красной Армии, в которой служили родные и близкие почти в каждой семье.

Мир узнавал о массовых отправках продуктовых и промтоварных посылок с надписью: «Действующий фронт. Незнакомому бойцу». О неиссякаемой сдаче в Фонд обороны денежных средств и драгоценностей на производство боевой техники, начатой колхозником-пчеловодом Ферапонтом Петровичем Головатым, подхваченной любимыми народом артистами и далее – всеми гражданами. По 16 кг серебра (по прежним меркам – ровно пуд!) украшений сдавали женщины Туркмении и других среднеазиатских республик. Российские дамы в преклонных годах приносили на сборные пункты фамильные драгоценности и даже золотые медали, полученные при окончании гимназий.

Всю войну шёл централизованный и планомерный сбор для армии тёплых вещей. В тылу люди изготавливали своими руками – валенки, полушубки, свитера, носки, варежки для фронта... Активно участвовали в займах государству. И, наконец, мощное донорское движение охватило всю страну. Кровь сдавали даже в блокадном Ленинграде! Её консервированные запасы самолётами развозились по медсанбатам на передовой, по госпиталям.

Совинформбюро сообщало, что гитлеровцы насильно отнимали тёплые вещи у населения оккупированных стран, пытались подвигнуть собственных граждан оказать материальную помощь вермахту. Отклик был слаб. Судя по сохранившимся письмам, это немецкие женщины ждали от своих мужей и сыновей посылок из России с награбленным. Особым спросом пользовались горжетки из «серебряных лис» (чернобурок), пуховые платки, серебро, золото, даже иконы...

Во все времена в любой стране, ведущей тяжёлую затяжную войну, требующую гигантских людских, материально-технических и финансовых ресурсов, культурная жизнь либо затухает, подтверждая древнюю мудрость: «когда говорят пушки, музы молчат», либо проявляется в зомбирующей, говоря современным языком, пропаганде и «психотерапевтических» развлекательных жанрах, как говорил Геббельс немецким работникам культуры: «Кино и радио надо перестраивать, они должны успокаивать, развлекать и утешать людей»⁵.

Но в воюющем СССР непредвзятый глаз заметит феноменальное в истории войн явление: музы не умолкают, а вдохновляют мастеров всех жанров литературы и искусства на создание нетленных шедевров. Причём буквально с первых дней вероломного фашистского вторжения. Достаточно вспомнить укрепляющие веру в Победу произведения первых дней: песню-марш «Священная война» В.И. Лебедева-Кумача и А.В. Александрова, плакат И.М. Тоидзе «Мать-Родина зовёт» и Кукрыниксов «Беспощадно разгромим и уничтожим врага», эмоциональные, вскрывающие суть немецкого фашизма публицистические статьи А.Н. Толстого «Что мы защищаем», И.Г. Эренбурга «Что несут фашисты». А далее – до самой Победы – сотни выдающихся творений в поэзии, прозе, драматургии, в военно-патриотических и душевных, лирических песнях, в маршах, операх, симфониях, в плакатах, художественных полотнах, фронтовых зарисовках, в скульптурах, в архитектуре и в реставрации памятников истории и культуры, строительстве московского метро...

Изыскивались средства не только на сохранение изданий большинства газет и журналов вплоть до модного – «Модели сезона», но и для миллионных тиражей книг, в том числе детских иллюстрированных и игрушек. На съёмки кинофильмов художественных, документальных, учебных, мультипликационных. На обустройство эвакуированных в разные края страны театров, киностудий, музеев, картинных галерей, домов народного творчества. А так же и на, казалось бы, совсем не обязательные в военные годы культурные свершения. Например, открытие, только вдумайтесь (!) с 1942 г. по 1945-й пяти театров оперы и балета! Более десятка – драматических, юного зрителя и кукол! Десятков музеев – в нашем глубоком тылу и на только что осво-

⁵ Сообщения Совинформбюро. Т. 2. М., 1944. С. 169.

бождённой от врага земле! Многих библиотек. Симфонических и духовых оркестров, джаза (якобы – «запрещённого»), народных хоров, клубов... Возводилось множество памятников и монументов павшим героям-воинам – по горячим следам сражений. Проводились выставки картин, плакатов, причём зачастую – передвижные. Создавались и исполнялись оперы, симфонии, оперетты, оратории и – прекрасные, боевые и лирические песни.

А для того, чтобы не допускать эпидемий и пандемий в большой стране, где постоянно перемещаются миллионы (!) эвакуированных, мобилизованных и демобилизованных по ранениям, создавались в тылу и на фронте бани с прожарками и санпропускниками, прачечные, парикмахерские, столовые, в тылу – гостиницы, общежития, детские сады и детские дома... И пандемий, какие унесли в Первую мировую войну и в Гражданскую миллионы жизней, допущено не было. Это заслуга союза медиков и коммунальщиков, поддерживающих культуру быта. И учителей – пожалуй, передового отряда бойцов культурного фронта.

...В СССР того времени всем понятны были образные выражения – культурная революция, культурный фронт, бойцы культурного фронта. В суровые и голодные годы Гражданской войны, когда «бывшие», т. е. «господа», «белые», и вчерашние «чумазы» из «низшего сословия» – «красные», сцепились в смертельной схватке за своё будущее, победили красные. Не потому ли, что одновременно с боевыми действиями на всех фронтах не только против белых, но и против интервентов всех мастей открылся ещё один, самый важный фронт, – культурный? И началась самая важная революция – культурная?

По данным переписи 1897 г. 78 % населения Российской империи было неграмотным. И, в самом деле, подписывалось крестиком. В формулярах переписи вопрос о грамотности стоял просто: «Умеет ли читать?»

А красные, казалось, смотрели далеко вперёд и, начав с элементарной ликвидации безграмотности молодых и старых, электрификации и радиофикации страны, озаботились открытием новых школ, училищ, рабфаков, институтов и университетов. Сделали общедоступными музеями вчерашние дворцы. Дали толчок развитию кинематографа, живописи, литературы. Сделали «модным» чтение газет, посещение изб-читален, библиотек, кино и театров. И даже закрывая храмы, чаще всего преобразовывали их в «храмы культуры» – клубы, библиотеки, кинотеатры, выставочные залы. Лозунг: «Культуру – в массы!» был тогда таким же важным, как стал в 1941–1945-м фронтовой «Всё – для фронта, всё – для победы!»

Но и когда Гражданская война отгремела, само понятие «культурный фронт» не сошло со страниц газет и журналов, с экранов кинохроники страны и в 1930-е годы индустриализации-модернизации. За первые 20 лет советской власти в СССР сложилась уникальная новая трудовая интеллигенция, живущая не ради «чистого искусства», «искусства ради искусства» и себя в нём, но ради блага народа.

Она самоотверженно воевала в годы Великой Отечественной в рядах Красной Армии и выступала в концертных фронтовых бригадах, создавала вдохновенные песни, стихи, плакаты, картины, карикатуры – для «культурной зарядки» бойцов. Самозабвенно работала в трудовом тылу на «культурном фронте» – в издательствах, газетах и на радио, в библиотеках, музеях, театрах, клубах, избах-читальнях.

Отметим и повседневную готовность громадного большинства бойцов культурного фронта к весьма скромному уровню жизни, к бытовым тяготам и лишениям, к мизерным зарплатам – ради желанной Победы. В архивах встречаешь документы о печальных последствиях такого стоицизма и мужества бойцов культурного фронта. Например, в письмах в ЦК ВКП(б) наркома просвещения РСФСР Потёмкина (Наркомата культуры тогда не было, культура входила в ёмкое понятие «просвещение», а культурно-просветительные учреждения – в Наркомат просвещения). Нарком пишет о случаях дистрофии среди сотрудников не только периферийных, но и центральных столичных библиотек, просит перевести их на снабжение по рабочим карточкам хотя бы 2-й категории...

Зато «бойцы культурного фронта» понимали важность духовной пищи для воюющей страны, живущей по строгим продовольственным карточкам. И не забывали даже в самые тяжёлые периоды войны отмечать дни юбилеев и годовщин выдающихся деятелей культуры и науки России, советских республик и всего мира.

Представим блистательный список этих имён и удивимся памятью бойцов «культурного фронта», их стремлению передать свою уважительность к корифеям прошлого как можно более широкому кругу советских людей. В 1941-м – чествования М. Лермонтова и азербайджанского классика Низами. В 1942-м – узбекского поэта Навои, А. Пушкина, украинца Т. Шевченко, украинского композитора Н. Лысенко, художника М. Нестерова, академика И. Павлова, белоруса Я. Коласа. В 1943-м – И. Ньютона, вторично – Т. Шевченко, М. Коцюбинского, М. Горького, А. Островского, К. Тимирязева, Н. Коперника, Л. Украинки, Г. Успенского, И. Тургенева, П. Чайковского и траур по скончавшемуся в США С. Рахманинову. В 1944-м – юбилеи Н. Римского-Корсакова, В. Шекспира, С. Стальского, просветителя екатерининского века Н. Новикова, М. Глинки, художника В. Поленова, А. Чехова, И. Крылова, И. Репина, Н. Островского, А. Голубкиной, Вольтера. В начале 1945-го – А. Грибоедова, И. Мечникова и 5 мая – А. Попова, изобретателя радио, объединившего в годы войны всю страну в единый фронт.

Громадная армия «бойцов культурного фронта» задумывала инициативы, начинания, культурные мероприятия, обращалась с письмами в руководящие органы страны и местной власти и, как свидетельствуют документы, хранящиеся в РГАЛИ и РГАСПИ, в большинстве случаев получала поддержку.

Как обидно, что за навязанными нам спорами об истории Великой Отечественной войны о «позорных» отступлениях, об «ошибках и просчётах» Сталина, о «неоправданных» потерях и «слишком высокой» цене победы мы редко вспоминаем о настоящих подвигах бойцов культурного фронта – в дни эвакуации и на новых местах, в боевой обстановке и особенно – в фашистской оккупации, когда слабодушные склонялись перед врагом, а сильные – стремились сохранить культурные ценности любым способом и часто – ценой своей жизни.

...Какой вывод мог сделать о далёкой, сражающейся в одиночку стране думающий человек на Западе, ознакомленный не только с боевой обстановкой на фронтах, но и знающий о фронте культурном? Приведу ещё одну цитату из речи Чарли Чаплина, великого артиста и режиссёра, извлечённую из архивной переписки под грифом «секретно»: «Русские люди, должно быть, имеют чувства чего-то вечного в своих душах. Они почти боги, и Бог поймёт их, так как ему неинтересна техника...»⁶

Если Богу неинтересна техника, то, может быть, именно поэтому не приживается определение Второй мировой войны как «битвы моторов»? Зато появляются более глубокие определения – «битва цивилизаций», «битва идеологий». Американский историк Дэвид Гланц, автор книги «Советское военное чудо 1941–1943. Возрождение Красной Армии...», нашёл для «Восточного фронта», как стараются называть в Европе Великую Отечественную войну СССР против фашистской Германии и её сателлитов, особое название – «культуркампф» – битва культур...

«Я намереваюсь... пограбить», – заявил рейхс-маршал Геринг в августе 1942 г. имперским комиссарам оккупированных областей и представителям командования сухопутных сил. И приказал: «Вы обязаны отслеживать, как легавые собаки, где и что есть... Ей-богу, вы посланы туда не для того, чтобы работать на благо и утешение горестей доверенных вам народов, а чтобы выжать из них всё, до последней капли»⁷.

⁶ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 123.

⁷ Зейдевиц Р., Зейдевиц М. Дама с горностаем. Как гитлеровцы грабили художественные сокровища Европы. М.: Прогресс, 1966. С. 63.

Великая Отечественная война была сражением между захватчиком и защитником, и у каждого – свои представления о культуре, о добре и зле, и даже «боги» у них были разные...

Просвещение – это культура и образование

...Слабые знания школьников, особенно в области истории, географии, литературы и их неорганизованный досуг, не соответствующие духу времени учебники и программы, отсутствие школьной формы и некачественные детские игрушки, низкая заработная плата учителей и их недостаточное социальное обеспечение – вот спектр тех проблем «детского мира», которые стоят перед современным российским обществом. И не парадоксально ли, что ровно те же вопросы в срочном порядке пришлось решать власти и обществу в годы Великой Отечественной войны? С одной существенной разницей – воюющей стране, тратившей в сутки в среднем на военные расходы 388 млн рублей, платившей союзникам за поставки вооружения и тушенки-сгущенки по ленд-лизу золотом, было куда сложнее изыскать средства на коренные изменения в школе, но эти средства были найдены!

Казалось бы, зачем, если при остром дефиците тетрадей и чернил дети, бывало, писали между строк газет соком свеклы или ягод? Если металлические пёрышки для ручек приходилось изготавливать внеурочно даже на оборонных заводах? Если из далёких от центра районов расселения эвакуированных учителей шли жалобы на неисполнение местными властями постановлений правительства о снабжении педагогических кадров самым необходимым – мылом, солью, спичками, керосином, дровами, промтоварами и обувью, а зарплата – гроши. И потому кто-то из учителей переквалифицировался в официантки, продавицы, парикмахеры. «Но кто тогда будет учить детей?» – такими словами заканчивалось письмо из Хакасии эвакуированных из Ленинграда учителей с жалобой на местную власть. И всё же, тех, кто остался верен долгу учителя, было большинство.

Просветитель Потёмкин. Первый канцлер Германской империи Отто фон Бисмарк за стремительный захват своей армией Франции в 1871–1872 гг. призывал благодарить прусского учителя, воспитавшего воина, уточним – воина-захватчика.

Мы с полным правом можем благодарить за победу над фашистской Германией советского учителя, воспитавшего воина-защитника. Это он, учитель, вводил учеников в прекрасный мир культуры и искусства, где живут светлые и храбрые герои книг А. Гайдара и Н. Островского, фильмов «Чапаев» и «Александр Невский» с пророческими словами князя: «Кто с мечом к нам придёт...». И воспитывал умелыми защитниками Осоавиахим (Общество содействия обороне, авиационному и химическому строительству) с лётными, парашютными и стрелковыми «ворошиловскими» курсами, и звучали сердечные песни о Родине, о любви, и жила память о прадедах-героях, увековеченных в русской литературе, в музыке, живописи, граните и бронзе памятников...

Со дня прихода к власти в Германии Гитлера в СССР понимали, что это молодое новое советское поколение может понести огромные безвозвратные потери в войне «за жизненное пространство», которой угрожает миру и, прежде всего, Советскому Союзу фашистский фюрер. Какое новое поколение придёт на смену – зависит опять от школы. И совсем не случайно на пост наркома просвещения РСФСР в 1940 г. переходит 66-летний прославленный дипломат, первый заместитель наркома иностранных дел Владимир Петрович Потёмкин, начинавший в конце XIX века – начале XX свой трудовой путь как педагог.

Выходец из семьи дворян Тверской губернии (родственники ли князю Потёмкину – не выяснено), Владимир Петрович исповедовал взгляды «кающихся дворян», созидательных народников, стремившихся искупить вину предков-крепостников за невежество и унижения крестьян, посвятив свои жизни работе на ниве просвещения и культуры. По окончании историко-филологического факультета Московского университета будущий нарком стал специалистом в редчайшей области – гебраистике (комплексе дисциплин, изучающих древнееврей-

ский язык и культуру). Преподавал и в классической гимназии, и в реальном техническом училище, и даже в Екатерининском институте благородных девиц. Но параллельно читал лекции на воскресных и вечерних курсах простым рабочим, которым вход в солидные учебные заведения был закрыт. Участвовал в революционном движении, и за своё свободомыслие посыл в Бутырской тюрьме. В 1909 г. «не исправившегося» педагога лишили права преподавать.

В 1919 г. он, сорокапятилетний, как член коллегии Народного комиссариата просвещения, участвует в создании программы единой трудовой советской школы для всех сословий. И пока при активнейшем содействии дореволюционной научно-технической и гуманитарной интеллигенции (о чём сегодня почти забыто) страна свершает индустриализацию с электрификацией и радиофикацией, передовой её отряд – учительство проводит ликвидацию безграмотности, привлекая первых советских школьников. Моя бабушка рассказывала, как она, третьеклассница, учила пожилых людей читать и писать, и они из уважения стали вдруг обращаться к ней на «Вы»...

С 1922 г. В.П. Потёмкин – на дипломатической работе, с 1937 по 1940 г. – 1-й зам. наркома иностранных дел СССР. Главный редактор и один из авторов многотомной «Истории дипломатии», доктор исторических наук.

...Лишь один мирный год – 1940-й – был отмерен историей наркому Потёмкину, отозванному с дипломатической службы на ниву просвещения для реформирования образования, но поразительно, что даже нашествие гитлеровских орд не остановило процесс изменения советской школы, которое, кстати, и реформой-то официально и пафосно никто не называл. И как показательно, что новый нарком просвещения со товарищи взяли на вооружение опыт преобразований, проведённых министром Львом Кассо в 1911–1914 гг. Благо, были ещё живы и полны творческих сил многие «старорежимные» педагоги гимназий и реальных училищ.

...Не было в ту пору в стране Наркомата культуры, как не было и общего союзного уровня Наркомата просвещения, но у каждой советской и автономной республики был свой республиканский Наркомат просвещения. Образование рассматривалось в неразрывной связи и с культурой, и с искусством; потому в сферу забот наркомата входили и образовательные учреждения, и культурно-просветительские – музеи, библиотеки, клубы, избы-читальни, кинотеатры и театры... Вместе получалось – просвещение. А главнокомандующий от просвещения – нарком просвещения Потёмкин, как ни парадоксально звучит его должность в связке с фамилией. Согласитесь, кстати, что, между «Наркоматом просвещения» и «Министерством образования», до недавнего времени существовавшего в новой России а, значит, между «человеком образованным» и «человеком просвещённым» – «дистанция огромного размера»!

Наркомат просвещения Российской Федерации был зачинщиком многих общесоюзных инициатив и нововведений, а в годы войны стал правофланговым благодаря неординарной личности наркома, подававшего пример смелого и творческого подхода к любому делу. И, казалось, не было в ту пору у него мелких дел и забот, каждая мелочь в условиях войны становилась серьёзной проблемой, требующей быстрого и конкретного решения. Например, в непростых условиях войны и повального дефицита требовалось снабдить школы и вузы учебниками, тетрадями, чернилами во многомиллионных исчислениях. Столько же требовалось ручек и перьев к ним и особо дефицитных в тылу и на фронте простых и химических карандашей, изготовлявшихся по принятой технологии из сибирского кедра. Дипломат Потёмкин договорился со смежниками переналадить производство карандашей из других, менее ценных, пород древесины...

Урок не отменяется! В первые недели войны Потёмкин дважды обращается через «Учительскую газету» ко всем заведующим краевыми и областными отделами народного образования и наркомам просвещения АССР, предлагая им совместно с местными комитетами

комсомола и советами Осовиахима «организовать в летний период занятия учащихся 7–10 классов по военной подготовке и военно-санитарному делу»⁸.

«Правда» публикует 10 июля 1941 г. обращение наркома просвещения РСФСР к пионерам и школьникам с призывом помочь стране в борьбе с врагом: организовывать пожарные, санитарные и трудовые бригады, взять на себя заботу о семьях фронтовиков, помогать взрослым в ремонте школьных зданий и учебного оборудования.

В конце августа нарком Потёмкин издаёт приказ для работников просвещения о подготовке школ к началу учебного года как всегда – 1 сентября, принимая в школы детей из семей всех эвакуированных и беженцев. Приказ принимают к исполнению даже в осаждённых врагом городах, переводя занятия в бомбоубежища, а то и – в каменоломни, в подземелья, освещённые копилками, как в Одессе или в Севастополе.

В неопубликованных воспоминаниях красноярского журналиста, ветерана войны Александра Ждановича есть трогательный рассказ о работе одной из Одесских школ времён обороны города. Журналист оказался там с коллегой Георгием Ковалёвым: «Школа, к которой мы добрались бросками и перебежками, не имела в окнах ни одного стекла, все двери были сорваны с петель, по бывшим классам бесшабашно носился ветер. Швырял какие-то старые тетрадки, обрывки плакатов и диаграмм.

Занятия проводились в подвале. Здесь всё время горел тусклый электрический свет, пахло сыростью, в углах притаилась серовато-зелёная плесень, но на влажных стенах было всё, как положено: висели расписания уроков, свежий номер стенгазеты «Школьная жизнь», самодельный плакат: «Кто впереди?», на котором 7 «А» мчался на самолёте, а 5 «А» полз на черепашке.

Появилась очень строгая седенькая старушка с непомерно большим звонком и стала ритмично махать им – загремел школьный звонок. Кончилась перемена, начинался третий урок.

Узнав, кто мы, строгая старушка вполне серьёзно отрекомендовалась:

– Вера Митрофановна, директор школы, по совместительству – главная техничка. Могу посоветовать посетить урок словесницы Марии Ивановны. Сейчас у неё в девятом – Чехов, «Вишнёвый сад».

Спустя несколько минут мы с Ковалёвым уже сидели на одной парте в предпоследнем ряду. Учеников в девятом было негусто – одиннадцать мальчиков и девочек. У столика – Мария Ивановна. Очень быстро мы с Ковалёвым убедились, что Мария Ивановна, несмотря на свой слишком обычный вид, принадлежит к тем людям, которых нельзя не слушать, когда они читают или говорят, на них нельзя не смотреть, им нельзя не верить. И это происходит не потому, что они обладают какими-то исключительными ораторскими способностями, а потому что их мысли беспредельно честны, они беспредельно убеждены в высокой правде произносимых ими слов.

И я, и Ковалёв, и все одиннадцать девятиклассников не отрывая глаз от просветлённого лица Марии Ивановны, слушали трепет и мудрость, горечь и силу чеховского «Вишнёвого сада».

Где-то совсем близко, наверное, на соседней улице падали тяжёлые бомбы. Даже по толстым подвальной стене школы пробежала неприятная, лихорадочная дрожь. С потолка на открытые тетради с тихим шорохом сыпалась не то глина, не то штукатурка. Мальчики и девочки, не открывая глаз от учительницы, очень привычно, почти машинально смахивали эту штукатурку. Урок продолжался.

И вдруг приподнялось одеяло, заменявшее тут дверь, и Вера Митрофановна почему-то слишком робко сказала:

Прошу Вас, Мария Ивановна, и военных корреспондентов выйти на несколько минут.
Мы вышли втроём.

⁸ Учительская газета. 1941. 9 июля.

– Мария Ивановна, крепитесь, – почти шёпотом произнесла директор, – я знаю, вы мужественная женщина... Сейчас прибежала Петровна и сказала, что бомбили Вашу улицу... И понимаете... прямое попадание в Ваш домик. В общем, вроде, всё уничтожено. Скажите, там кто-нибудь был?

– Книги... Фотографии... И моя юность, – медленно ответила Мария Ивановна, смотря куда-то мимо нас, а потом с чуть заметной тревогой спросила:

– А садик?

– Всё горит, – глухо ответила Вера Митрофановна, и тут же добавила, – я сейчас скажу детям, что урок отменяется.

– Урок не отменяется, – очень тихо, но решительно, сделав ударение на «не», проговорила учительница и вместе с нами вошла в класс.

– Итак, мы закончили тему, – сказала она подчёркнуто буднично, – к сожалению, в нашей программе нет ещё одной прекрасной пьесы Чехова – «Три сестры». Но, помните, я рекомендовала вам почитать. Кто это сделал?

Поднялись одиннадцать рук.

– Хорошо. А кто сейчас может прочитает тот монолог или ту сцену, которая на него произвела особенное впечатление?

Снова взметнулось одиннадцать рук.

– Отлично. Саша Шинкаренко, мы слушаем тебя.

Угловатый паренёк в очках встал и убеждённо заявил:

– Больше всего мне понравился образ Ирины. А прочитаю я только вот эти слова. В них для меня главное, – и, открыв книгу, он прочитал: «Придёт время, все узнают зачем всё это, для чего эти страдания, никаких не будет тайн, а пока надо жить... Надо работать, только работать...»

Звонок возвестил о том, что урок окончен.

...Потом мы с Ковалёвым снова перебежками и бросками добирались в редакцию и, хватая меня за рукав гимнастёрки, он говорил:

– Ты только подумай, какая сила! Кончится война, я обязательно напишу роман и об этой школе, и об этой учительнице, и об этих ребятах. Теперь это будет моей мечтой.

Георгию Ковалёву не суждено было осуществить свою мечту. А я романов писать не умею...»⁹

Приказ: собирать экспонаты для музеев истории войны. 12 ноября «Учительская газета» публикует приказ по Наркомпросу РСФСР «О военной подготовке учащихся старших классов средних школ. ...Военная подготовка юношей – учащихся 9–10 классов должна проводиться по 110-часовой программе Всеобуча, на военную подготовку отводится 7 часов в неделю»¹⁰. Многие мальчишки и девчонки вскоре будут осаждают военкоматы с требованием отправить их на фронт: «Мы прошли «Военобуч»!»

А через три дня, 15 ноября, когда враг на подступах к столице, а Геббельс по радио извещает весь мир о скором торжественном вступлении в Москву германского воина-победителя, нарком просвещения издаёт Приказ № 170 «О сборе материалов Великой Отечественной войны» – документ, казалось бы, несвоевременный до нелепости. Но он демонстрирует твердую уверенность в разгроме захватчиков. Кто-то из музейщиков, может быть, и обвинил наркома в сумасшествии, но все, подчиняясь железной дисциплине военного времени, поспешили, оповестив школы, начать вместе с учителями и школьниками поиск экспонатов для музеев – писем с фронта и фотографий воюющих и погибших земляков, плакаты, киноафиши, вырезки

⁹ Личный архив автора. Неопубликованная рукопись: *Жданович Александр*. У самого Чёрного моря. Воспоминания военкора. С. 7–9.

¹⁰ Личный архив автора. Неопубликованная рукопись: *Жданович Александр*. 12 ноября.

из местных газет, свидетельства варварских бомбардировок и артобстрелов – осколки мин и бомб, гильзы и другие реликвии и свидетельства войны, а также – трофеи. Этой инициативой Наркомат просвещения положил начало сбору материалов по истории еще идущей Великой Отечественной войны, в конечном победном исходе которой, стало быть, сомневаться нужды нет. Скоро и Академия наук, и правительство озаботилось созданием комиссий по сбору материалов для будущих экспозиций в музеях по истории Великой Отечественной.

Накануне Нового 1942 г., после первой большой победы в Московской битве, издаётся приказ Потёмкина об организации празднования Нового года в школах, детских садах и детских домах – с традиционными утренниками, ёлками, и пусть скромными, но всё же подарками. Причём ёлочные игрушки в ту пору изготавливаются в цехах оборонных предприятий. Завод «Москабель», например, из некондиционных обрезков проволоки выпускает самолётики, снежинки, корзинки с цветами, а также бабочек и стрекоз в качестве новогодних украшений.

Зимой 1942 г. немцы отброшены от Москвы на 200–250 км, и на освобождённых территориях обнаружилось страшные злодеяния фашистов. Не только против мирного населения, но и против памятников истории и культуры. Начинается учёт разрушений и потерь. Через несколько дней Президиум АН СССР, проходивший в Свердловске (ныне – Екатеринбург), принимает решение об образовании Комиссии для организации работ по истории Великой Отечественной войны.

В августе 1942 г. СНК СССР утверждает временное положение о Комиссии по учёту и охране памятников искусства. И лишь 2 ноября 1942 г. выходит исторический Указ Верховного Совета СССР «Об образовании чрезвычайной государственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и причинённого ими ущерба...». На комиссию возлагается, в том числе, определение ущерба школам, библиотекам и другим культурным учреждениям. Материалы этой комиссии стали бесценными доказательствами фашистских преступлений на Нюрнбергском процессе.

А Потёмкин в конце ноября 1942 г. направляет письмо всем наркомпросам АССР, край-облоно, всем музеям «О сборе, учёте и обработке материалов о памятниках и памятных исторических местах Великой Отечественной войны». Напомним события той поры – враг у стен Сталинграда, половина европейской территории СССР под оккупацией...

Книги и... танки. Учителя г. Горького (ныне – Нижний Новгород) выходят с инициативой начать сбор учебников, книг и школьных принадлежностей для освобождаемых от оккупации районов. Нарком просвещения РСФСР обращается к учительству страны – всемерно поддержать замечательный почин и сам курирует движение за сбор литературы для школ и библиотек – до самого завершения войны. Эта инициатива стала одной из важнейших акций Наркомпроса. Ведь во временно оккупированных районах страны погибло более 100 млн книг. Потёмкин принимает решение создать при Наркомпросе государственный фонд литературы для восстановления разграбленных и сожженных библиотек. Кроме Москвы, образуется 34 филиала Фонда: в Ленинграде, Свердловске, Саратове, Уфе, Горьком и т. д. Предполагается из библиотек, подведомственных Наркомпросу, передать не менее 4 млн книг и организовать добровольный сбор книг среди населения – силами учителей, школьников, библиотекарей. Собрано было до 10 млн книг и учебников.

Прогремело на всю страну деяние учительства – сбор денежных средств на постройку танковой колонны «Народный учитель». Встречается она на фронте молодыми бойцами, недавними школьниками, особенно трогательно. «Собирать» большинству учителей было нечего, просто писали заявления о передаче однодневного заработка в Фонд Оборона – «На танки!»

Раздельное обучение – революционное преобразование школы. Опыт преподавания в женской гимназии, в сугубо мужском реальном училище и в институте благородных

девиц подсказывает педагогу и дипломату Потемкину введение в школах совсем не пролетарского новшества – раздельного обучения, которое однако создаст дистанцию между мальчиками и девочками, романтические целомудренные отношения. Поспособствует воспитанию нового высококультурного поколения детей народа-победителя.

Это революционное деяние наркомата началось с Постановления от 16 июля 1943 г. «О введении раздельного обучения мальчиков и девочек». Толчком к нему послужили факты хулиганского поведения подростков в общественных местах, наблюдаемые в крупных городах страны комиссиями из представителей органов народного образования, общественности, комсомола, профсоюзов.

...Моя статья о коренных преобразованиях в школьной жизни во время войны, опубликованная несколько лет назад в газете «Правда», вызвала жаркие споры среди старых журналистов-правдивов. Сотрудница отдела культуры, вспоминая школьные годы, посетовала, что из-за учёбы в женской школе всю взрослую жизнь испытывала стеснение при общении с противоположным полом. А её коллега, ответственный секретарь, возразил: «Вспоминаю, какими хулиганами мы были в школе. Понимаю, что совсем не надо было вам, девочкам, тогда быть рядом с нами. Ничему хорошему бы не научились. С нами надо было быть строже. А вам муштра ни к чему...»

Школьная реформа как тактический маневр. Парадоксально, но факт – именно в годы тяжелейшей войны в системе образования СССР возродилось многое полезное и важное из дореволюционного опыта. Кроме раздельного обучения для мальчиков и девочек, вернулись в школьный быт форма, пятибалльная система оценок, аттестат зрелости, золотые и серебряные медали лучшим выпускникам. Была восстановлена система обязательных экзаменов (тогда их называли испытаниями) по окончании учебного года с 7-го по 10-й класс.

Деятельность Наркомата просвещения в годы войны кажется всеохватной. Для решения впервые в мире поставленной задачи всеобщего образования открываются вечерние школы рабочей молодёжи, заочное обучение в техникумах, втузах и вузах. Строгий учёт и контроль над охватом всех детей учёбой, особенно из семей эвакуированных, расквартированных, бывало, в глухих селах. Вызов в суворовские и нахимовские училища тех, кто потерял отца-героя. Проводятся меры по предупреждению беспризорности осиротевших детей – определением в детские дома, ремесленные училища, школы ФЗО – для получения рабочих профессий. Строго следует Наркомат просвещения национальной политике – идёт обучение родному языку в автономных республиках.

И всё это – параллельно с обязательным всеобщим военным обучением и трудовым воспитанием – привлечением школьников к участию в массовом движении по изготовлению и сбору тёплых вещей для Красной Армии, шефству над госпиталями, тимуровскими заботами о семьях фронтовиков, сдаче металлолома, сбору лекарственных трав. Привлекаются школьники и к работе в ученических мастерских, к обработке пришкольных участков, даже к созданию подсобных животноводческих хозяйств – для дополнительного питания школьников и учителей.

...Как известно, с давних пор искусство ведения войны включает в себя: тактику – проведение отдельных боёв-битв и стратегию – увязку этих битв с общей целью войны. О реформе народного образования СССР в годы Великой Отечественной можно сказать образно: в стратегии всей войны она оказалась одним из важнейших тактических маневров.

Необходимость «битвы» за советскую школу диктовалась множеством причин, но главное – кадровым голодом, вызванным оттоком взрослой, в большей степени, мужской части населения на фронт. В этих условиях власть осознала необходимость воспитания и образования молодого советского человека, ещё сегодня сидящего за партой, но уже завтра готового овладеть военной техникой и стать воином или занять место деда, отца, старшего брата за заводским станком и рулём трактора. Именно к поколению выпускников училищ ФЗО –

фабрично-заводского обучения – «фабзайцев», школ рабочей молодёжи, а также суворовцев, нахимовцев и т. д. принадлежала в большинстве своём управленческая элита, возглавившая в послевоенные годы крупные предприятия, армейские части, советские и партийные органы власти.

Партработники ностальгируют по... царскому времени. Ещё накануне войны наметился поворот к традиционным культурным ценностям – изучению отечественной истории, почтительному отношению к музеям и памятникам старины. Напомним, кинофильм «Александр Невский» был поставлен в 1937 г. и стал чрезвычайно популярен у зрителей. Слова князя: «Кто к нам с мечом придет – от меча и погибнет!» – крепили боевой дух народа в годы Великой Отечественной войны. Насколько поразительно и парадоксально созвучны школьные проблемы 1940-х годов и современные жаркие споры о качестве преподавания гуманитарных наук и, прежде всего, истории – свидетельствуют архивные документы.

Вот что заботит в июле 1944 г. секретаря по идеологии Хабаровского крайкома Г. Боркова: «Заканчивая 1943/44 учебный год, ученики седьмых классов средних школ г. Хабаровска на выпускных испытаниях по русскому языку очень плохо справились с письменной контрольной работой (более 50 % учащихся получили оценки 2 и 3)» – об этом он сообщает в письме, адресованном в ЦК и лично – И.В. Сталину и Г.М. Маленкову¹¹.

Ученики 7-х классов писали изложение на тему «Куликовская битва» по отрывку из повести С. Бородин – «Дмитрий Донской». Неудивительно, что образно-поэтическое выражение: «А я, коли паду, поручаю вам блюсти свечу великого нашего дела – крепление Руси. Храните той свечи пламя» школьники поняли конкретно: «князь зажёт свечу и велел охранять пламя». Грамотность изложения также хромала: очень часто писали «одел» вместо «надел», «коман-довой» вместо «командуй», «он был один среди воинов». «Дмитрий Донской стал снимать свои достояния (вместо «доспехи»)» и т. д.¹².

Но главный вывод секретаря крайкома: «Они не знали события, о котором писали, не знали Дмитрия Донского, ничего не знали о татарском нашествии. Представление о некоторых исторических фактах, об обстановке, в которой разыгрывалась знаменитая Куликовская битва, представление о реликвиях, чтимых русским воинством, было настолько ограниченным, что каждому, кто читал изложение, становилось ясно: выпускники седьмых классов нашей школы не знают истории своей родины... Фразу Дмитрия Донского: «Братья, двинемся вкупе» – многие ученики поняли и написали так: «Дмитрий собрал войско в купе». Описание знамени, «на котором вышит был золотом образ Спаса», многие ученики изложили так: «Чёрный флаг поднялся высоко в небе, на нём был золотой Спас», а один ученик написал: «Поехал под знамя, на котором был вышит золотом образ святого Спаски»¹³.

Увы, старшекласники, да и студенты XXI в. справились бы с подобным заданием намного хуже семиклашек фронтовых лет. Но в далёком 44-м крайком созывает совещание преподавателей русского языка и истории, которое приходит к выводу: «Революционным штормом был вышвырнут из школы старославянский язык вместе с библейскими притчами и рассказами о древней русской истории, широко представленными в программе церковно-приходских школ, и вот уже новое поколение не может осознать и изложить исторические события».

Письмо секретаря Г. Боркова находит понимание и горячий отклик в аппарате ЦК – зав. отделом школ ЦК ВКП(б) Яковлев отмечает в записке А.А. Жданову: «...Времени на изучение истории в учебном плане средней школы отводится меньше, чем отводилось на него в гимна-

¹¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 254. Л. 79–88.

¹² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 254. Л. 79–88.

¹³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 254. Л. 79–88.

зии, а между тем в нашей школе объём знаний предлагается больший, так как изучается история почти половины XX века, в гимназиях не изучавшаяся. Там курс кончался XIX веком»¹⁴.

«Народ не может умереть». В силу этих объективных причин стало очевидным, что советской школе нужны новые учебники, прежде всего, по предметам гуманитарного цикла.

В преамбуле проекта Постановления ЦК ВКП(б), подготовленного Управлением пропаганды ЦК ВКП(б) в августе 1943 г., критиковалась работа Наркомпроса, который «забросил дело подготовки учебников, не вёл систематической работы по улучшению существующих учебников, не проверял их качество на опыте работы школ, не считался с отзывами об учебниках педагогов и научных работников»¹⁵.

За что же критикуются учебники?

Авторы учебника «Литература XX века» – Поляк и Тагер «неправильно и крайне упрощённо понимают прошлое России», сообщая школьникам, что «скудная действительность прошлого не давала материала для создания образов полноценного человека»¹⁶. А это значит, по мнению экспертов, что «из истории русской литературы выбрасываются все образы передовых русских людей, созданные крупнейшими русскими писателями. Учебник не раскрывает идеалы великих русских писателей, их понимание характера русского человека (его преданность родине, верность долгу, смелость и другие высокие моральные качества)»¹⁷.

Очень в духе непростого военного времени звучит критика: «Авторы учебника не подчёркивают национальных особенностей в творчестве русских писателей, они дают лишь общие характеристики в плане отвлеченного космополитизма. Так, Горький выступает в учебнике не как великий *русский* писатель, борец за счастье и свободу *России*, а как абстрактный гуманист, борец за совершенного человека вообще»¹⁸.

Критики, хорошо знакомые с творчеством пролетарского писателя, приводят цитаты из его произведений, которых так не хватает учебнику: «В главе о творчестве Горького лишь называются произведения, в которых говорится о талантливости русского человека, о его преданности родине, его вере в лучшую жизнь, но не рассматриваются даже прямые высказывания на эту тему самого Горького и его героев. Например, повесть «Жизнь Матвея Кожемякина» упоминается в числе произведений, «рисующих мещанскую, собственническую Русь», тогда как в этом произведении изображены патриоты из народа, глубоко преданные своей родине. (Отставной солдат Пушкарёв говорит: «Что такое Расея – знаешь? Ей конца нет, Расеи: овраги, болота, степи, пески – надо всё это устроить, бесов кум? Ей – всё нужно, я знаю, я её сквозь прошёл, в ней работы на двести лет накоплено. Вот и работай, и приводи её в порядок»).

Авторы мимоходом упоминают произведение Горького «Бывшие люди» и не приводят замечательных слов из этого рассказа о бессмертии народа. (Старик Тяпа говорит: «Народ русский не может исчезнуть... ты народ-то знаешь – какой он. Он огромный... Сколько деревень на земле. Всё народ там живёт, – настоящий большой народ. А ты говоришь – вымрет... Народ не может умереть»)¹⁹. ... Пожалуй, приведённые критиками цитаты, действительно, очень пригодились бы для учебника военного времени.

Вполне оправданы в общей концепции поворота к патриотизму и замечания критиков о горьковских «портретах выдающихся современников», которых также не хватает в школьных учебниках. Оказывается, Алексей Максимович отмечал особенную русскость вождя мирового

¹⁴ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 254. Л. 90.

¹⁵ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 135. Л. 70.

¹⁶ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 135. Л. 71.

¹⁷ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 135. Л. 71.

¹⁸ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 135. Л. 71.

¹⁹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 135. Л. 71.

пролетариата: «Он был русский человек», Горький говорит, что он «нередко подмечал в нём (в Ленине) черту гордости русским искусством»²⁰.

И не удивительно ли, что от авторов школьных учебников теперь требуют более подробного рассказа о литературных течениях «дооктябрьского периода»? А существующий учебник, по мнению критиков, «крайне схематичен» и не рассматривает, например, критический реализм Куприна и Вересаева. В главе «Символизм» авторы дают «отвлеченно-социологический анализ этого течения, не подчеркнуто коренное отличие русского символизма от западно-европейского. Авторы учебника умолчали о том, что лучшие русские символисты (Брюсов, Белый, Блок) писали произведения, полные гневного протеста против самодержавного режима, приветствовали революцию 1905 года, в то время как большинство западно-европейских символистов – Бодлэр, Верлэн, Маллармэ и др. с презрением относились к политической борьбе прогрессивных слоёв общества».

Ну, и уж совсем невозможное – авторы учебника, рассказывая о творчестве А. Фадеева, «делают неуместные сравнения, ставящие в один ряд Л. Толстого и А. Фадеева и даже утверждающие превосходство Фадеева над Л. Толстым. <...> Они заявляют: «Фадеев не подчинился, однако, влиянию толстовского мировоззрения, идейный смысл «Разгрома» как бы противопоставлен толстовскому пониманию исторического процесса. В романе «Разгром» Фадеев как бы полемизирует с Толстым»...

Приговор критики строг: «очевидно, что учебник по «Русской литературе XX века» Поляк и Тагера, составленный не только без достаточного знания предмета, но и без любви к нему, должен быть срочно заменен другим, более совершенным учебником»²¹.

Учебник русской литературы для 8-го класса Н. Пospelова и П. Шаблиовского «ставит развитие русской литературы в зависимость от западно-европейской. Авторы учебника не показывают самобытность и величие русской литературы... Исходя из совершенно ложного представления, будто бы вся русская литература развилась под влиянием западно-европейской культуры. <...> Авторы начинают раздел русской литературы XIX века с обстоятельной характеристики творчества немецкого писателя Шиллера и английского поэта Байрона, и лишь после этого переходят к анализу произведений русских писателей, подчеркивая, что их творчество находилось под влиянием Шиллера и Байрона»²².

Более того, критики замечают, что в учебнике «вовсе не освещено патриотическое содержание творчества русских писателей. Единственная глава, имеющаяся в учебнике на эту тему – «Патриотические мотивы в юношеской лирике Пушкина», на самом деле посвящена сравнению стиля Пушкина и Державина»²³.

Не секрет, что предвоенные и военные годы – время коренного идеологического поворота к патриотизму. Происходит переоценка многих исторических персонажей, таких, например, как Пётр Великий и Иван Грозный, кинофильм о котором становится заметным явлением в жизни страны. «Учебник, – отмечают критики, – содержит немало грубейших ошибок и извращений в освещении важных вопросов истории русской литературы и русской истории. Так, эпоха Ивана Грозного характеризуется как «разгул произвола и ненужных жестокостей»; творчество Жуковского рассматривается с вульгарно-социологической точки зрения и расценивается как реакционный, консервативный романтизм»²⁴...

Учебник «Грамматика русского языка» авторства Бархударова составлен «без учета воспитательного значения приводимого материала, примеры и упражнения подобраны по фор-

²⁰ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 135. Л. 71.

²¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 135. Л. 71.

²² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 135. Л. 71.

²³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 135. Л. 71.

²⁴ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 135. Л. 71.

мальному признаку и, ни в какой мере, не способствуют воспитанию в школьниках патриотических чувств. ...Не использованы краткие изречения Александра Невского, Суворова, Кутузова, имеющие большое воспитательное значение; почти совершенно отсутствует военный материал»²⁵.

Недостатками в преподавании географии эксперты считают: «отвлеченность и сухость изложения, недостаточность физико-географического материала, слабую ориентировку по карте, перегрузку преподавания и учебников по географии статистико-экономическим материалом и общими схемами, вследствие чего учащиеся выходят из школы, не обладая зачастую элементарными географическими познаниями»²⁶. Поэтому замены требуют и учебники «Физическая география СССР» и «Экономическая география СССР» Баранского.

И даже учебник «Зоологии» Цуэмера критикуется за то, что почти целиком состоит «из перечня анатомических данных, не показывает многообразную жизнь животных и возможности использования животных в хозяйственной деятельности людей»²⁷.

Принимается решение организовать конкурс на лучшие учебники. В качестве экспертов привлекаются учёные и опытные педагоги. Затем учебники должны обсуждаться на коллегии Наркомпроса РСФСР и утверждаться к изданию лично наркомом просвещения. ЦК обязывает Наркомпрос РСФСР проверять на практике работы школ пригодность учебников, учитывать отзывы педагогов, постоянно совершенствовать учебники. И даже «ввести в практику рецензирование всех учебников для школы на страницах центральных газет и специальных журналов»²⁸.

ЦК ВКП(б) считает: «Учебники для средней школы должны вполне соответствовать уровню современной науки, давать яркое, понятное, увлекательное изложение предмета и сопровождаться хорошими иллюстрациями»²⁹.

Учебники на украинском и английском – уходят в печать. Потрясающий воображение факт – одновременно с пересмотром учебников для средних школ готовились к изданию и учебники для национальных школ освобождённой от фашистской оккупации Украины, естественно, на украинском языке. По строгим законам военного времени решение ЦК ВКП(б) от 27 июля 1943 г. требует разработать план издания украинских учебников в трёхдневный (!) срок и обеспечить выполнение плана к началу нового 1943/44 учебного года³⁰.

И выделяются издательству «Радянська школа» в III квартале 1943 года для издания школьных учебников дополнительно 25 тонн печатной бумаги. А ОГИЗ РСФСР обеспечивает печатание школьных учебников на украинском языке в срок. Для этого ЦК ВКП(б) просит ЦК КП (б) Украины подобрать и направить в распоряжение ОГИЗа РСФСР двух наборщиков-линотипистов, знающих украинский язык³¹.

И уже осенью 1943 г. Г.Ф. Александров рапортует секретарю ЦК ВКП(б) Г.М. Маленкову: «План издания учебников на украинском языке выполнен. Тиражи всех учебников, которые были обеспечены рукописями, отпечатаны и приняты издательством «Радянська школа». <...> В октябре месяце издательство «Радянська школа» подготовило и сдало в типографии сверх плана рукописи ещё пяти учебников. Эти учебники будут выпущены в ноябре 1943 года»³².

А в январе 1944 г. был подготовлен к печати даже учебник по истории СССР на английском языке объёмом 22 печатных листа (!), так как Торгпредство СССР в Лондоне и

²⁵ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 135. Л. 72.

²⁶ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 135. Л. 72.

²⁷ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 135. Л. 72.

²⁸ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 135. Л. 72.

²⁹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 135. Л. 72.

³⁰ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 135. Л. 73.

³¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 135. Л. 102.

³² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 135. Л. 104.

Посольство СССР в США сообщили, что союзники вдруг заинтересовались нашей историей, а «английские издатели издают свои книги, извращая историю СССР»³³. А многое ли изменилось с тех пор?

Психология и логика возвращаются в школу. В это же время педагогическая общественность активно обсуждает введение в школу курсов психологии и логики, предлагая начать преподавание в 9-х классах средних школ «университетских городов» – Москвы, Ленинграда, Свердловска, Томска, Казани, Саратова.

Управление пропаганды и агитации при ЦК ВКП(б) считает целесообразным экспериментально ввести преподавание логики в московских школах, так как вначале следует подготовить преподавателей новой дисциплины («кадры преподавателей логики не готовились в течение более чем двадцати лет») и выбрать «доброкачественный учебник»³⁴.

Выяснилось, что учебник логики проф. Асмуса «не доступен для учащихся... ввиду трудности и абстрактности изложения. Например, об основных законах мышления автор пишет: «Таким образом, выполнение закона тождества обеспечивает определенность мысли о предмете. Мысль эта определена, если всякий раз, когда известное понятие появляется в наших рассуждениях, мы мыслим в точности это самое. А не какое-либо другое, хотя бы и близкое к нему понятие»³⁵.

В учебнике логики проф. Кольмана изложение логики «дано без необходимой последовательности, сумбурно и спонтанно». А «определения нагромождены в таком количестве, что затрудняется понимание»³⁶.

Специалисты утверждают, что «лишь учебник проф. Виноградова обладает методическими достоинствами, так как автор много лет преподаёт логику, и по его учебнику учились гимназисты ещё до революции. Среди недостатков учебника – преобладание примеров из криминалистики, потому что заслуженный профессор преподаёт в юридических ВУЗах. «Обилие примеров судебно-правового характера создает впечатление, что главное предназначение логики – раскрывать преступления»³⁷.

Решено организовать в Москве в июле – августе 1943 г. полуторамесячные курсы подготовки преподавателей логики. Наркомпросу РСФСР к 15 июля представить в ЦК ВКП(б) предложения о подготовке преподавателей логики для всей страны³⁸.

Владимир Петрович Потёмкин смог в те военные годы ввести в учебные программы школ важнейшие для становления личности науки – логику и психологию. В нескольких школах Москвы экспериментально – латынь. Повсеместно и срочно – краеведение.

Нарком против соцсоревнования и процентомании. Нарком просвещения В.П. Потёмкин категорически возражает, когда планируется ввести социалистическое соревнование в школе. И, как отмечалось в последующем Постановлении ЦК ВКП(б): «Органы народного образования вместо борьбы с завышением оценок успеваемости и организации надлежащего контроля за качеством обучения стали на путь поощрения соревнования и связанной с ним процентомании в учебной работе школы и допустили ухудшение качества обучения в школе. В результате соревнования в школе формальные показатели успеваемости растут, а в действительности оканчивающие школу не становятся грамотнее и образованнее»³⁹.

Меж тем об истинных, глубоких школьных проблемах честно и смело рассказывают письма с мест. Так, школьные учителя с. Таштып из Хакасии 24 мая 1943 г. прислали сек-

³³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 254. Л. 1–2.

³⁴ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 130. Л. 29–48.

³⁵ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 130. Л. 29–48.

³⁶ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 130. Л. 29–48.

³⁷ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 130. Л. 29–48.

³⁸ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 130. Л. 29–48.

³⁹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 130. Л. 121–122.

ретарю ЦК ВКП(б) А.А. Андрееву жалобу на 10-ти страницах. Самые вопиющие строчки документа подчёркнуты красным карандашом, резолюция на письме гласит: «т. Крапивину. Просьба показать т. Щербакову письмо учителей из Хакасии. Если будет указание А.С. Красноярскому крайкому, то некоторые вопросы будут исправлены и разрешены на месте. Кстати, общий вопрос о материальном обеспечении учителей (снабжение) готовится у т. Косыгина. 28.7.43. Кудрявцев»⁴⁰.

Среди педагогов таштыпской школы оказались эвакуированные специалисты из Москвы и Ленинграда, чужие для местной власти, не желающей обеспечивать педагогов, как того требовали постановления партии и правительства, самым необходимым – продуктами питания, одеждой, дровами, керосином, спичками: «...Представьте себе, Андрей Андреевич, учителя, который в холодный зимний вечер идёт по улицам села и высматривает, где ярко и мирно горит свет. Вот он сворачивает к одной из хат и робко стучится в дверь. У вышедшей хозяйки учительница виновато просит разрешения посидеть у лампы, чтобы проверить тетради. Проходит час, другой; хозяева начинают шевелить постели. Учительница поспешно сворачивается и, прося извинения и благодаря за гостеприимство, срочно удаляется, – живописует злоключения педагогов автор письма, и продолжает: «За всю зиму и вообще за весь год учителя не получили ни одного литра керосина, хотя в райпотребсоюз поступает не только керосин, но и распоряжения свыше о выдаче керосина, мыла, соли, спичек и т. п. В первую очередь учителям, врачам, агрономам. За весь год учителя получили один раз по 400 граммов соли и один раз по 400 граммов мыла»⁴¹. И, наконец, самое страшное признание: «... Учителя начинают прямо проклинать свою специальность, свое образование. Они говорят часто и даже слишком часто: «Зачем я кончала институт? Гораздо лучше быть малограмотным и работать продавцом, зав. складом, зав. столовой или пред. сельпо. И тогда бы я жила припеваючи»⁴².

Из учителей – в буфетчицы. О том, что письмо учителей из глубинки не осталось незамеченным, говорит удивительный факт – все его основные проблемы оказались поднятыми в последующих документах ЦК и Наркомата просвещения. В докладной записке «Об учительских кадрах» на имя секретаря ЦК ВКП(б) А.С. Щербакова нарком просвещения В.П. Потёмкин сообщает, что общая потребность в учителях в 1943/44 учебном году по 40 территориям по предварительным подсчётам составляет 29 846 учителей. А «выпусками из педагогических учебных заведений, подготовкой на краткосрочных курсах, возвращением учителей из эвакуации возмещается только 18 890 чел.». И при этом у наркома нет возможности вернуть в школу старые кадры, ввиду военного времени сменивших профессию: «одни из них отозваны на предприятия оборонного и хозяйственного значения, другие, в силу крайне тяжелых материальных условий, сами ушли на другую работу, более выгодную в материальном отношении. Некоторые работают официантами, буфетчицами, уборщицами, но на педагогическую работу не возвращаются»⁴³.

«Следует признать, – пишет нарком, – что довольно низкая заработная плата и неудовлетворительное материально-бытовое положение учительства в значительной мере способствовали переходу их на различного рода работу в другие ведомства. Известно, что зарплата учителям не повышалась с 1936 года. Учитель начальной школы получает в сельской местности 240 руб., а в городе 270 руб. в месяц, тогда как дворник и тот получает больше. Естественно, такая зарплата не обеспечивает прожиточного минимума. Снабжение учителей продоволь-

⁴⁰ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 135. Л. 19–28.

⁴¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 135. Л. 19–28.

⁴² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 135. Л. 19–28.

⁴³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 135. Л. 49–50.

ствием и промтоварами поставлено исключительно плохо. Особенно в тяжёлом положении находятся эвакуированные учителя»⁴⁴.

Нарком уверен, что нужно провести ряд серьёзных социальных мер «по закреплению учительских кадров». Прежде всего, «улучшить материально-бытовое положение всех учителей – увеличить их заработную плату, регулярно снабжать их хлебом, довести хлебный паёк сельскому учителю до 600 г. Улучшить снабжение учителей промтоварами и предметами первой необходимости (соль, спички, мыло)». А также разрешить постоянно действующие курсы по подготовке учителей, освободить от платы за обучение всех учащихся педагогических учебных заведений, обеспечить стипендиями всех успевающих учащихся педагогических училищ и студентов учительских и педагогических институтов. Тут же нарком просвещения Потёмкин просит разрешить проведение Всероссийского совещания по народному образованию в Москве⁴⁵.

Совещание учителей: о хлебе, керосине и... семинариях. В моём личном архиве хранится уникальное коллективное фото, сделанное в дни того исторического совещания (см. фотовклейку). Целое историко-социальное исследование можно было бы написать, лишь глядя на него. Вокруг наркома-реформатора товарища Потёмкина сидят убеждённые седины педагога с окладистыми бородами, выдающими «старорежимное» гимназическое прошлое этих «господ». Далее – плотное окружение учителей новой формации – отставники в гимнастёрках ещё с отложными воротничками и наградами, учительницы советской закалки – в строгих тёмных костюмах и светлых блузках, молодые нацкадры...

Резолюция по докладу В.П. Потёмкина, сделанному на том историческом совещании «О работе школ за истёкший период Великой Отечественной войны и задачах школ на 1943–44 учебный год» планирует дальнейшие преобразования в советской школе, отмечая, что совещание созвано «в момент полного провала летнего наступления немецко-фашистских полчищ, воодушевлено новыми победами русского оружия и проникнуто твердой уверенностью в приближении часа окончательного разгрома врага»⁴⁶. Ставит ряд задач, на годы вперед определивших вектор развития школы.

Повторим, по аналогии с царской Россией, вводится раздельное обучение мальчиков и девочек в крупных городах. А значит, необходимо выделить помещения для женских и мужских школ, провести подбор преподавательского состава. Установить отпуск одежды и обуви по ордерам через школу. Расширить сеть ремонтных и пошивочных мастерских для школьников. Естественно, что такая централизация должна привести и к унификации школьной одежды – так, по сути, вводилась в школьный быт форма, отличительные значки на головном уборе (фуражке) учащихся, а ученические билеты, бытовавшие уже в довоенные годы, дополнялись строгими правилами для учащихся 5–10-х классов.

В новых школьных уставах, обсуждённых на совещании, говорилось о «креплении единоначала директора и поднятии авторитета учителя; оживлении деятельности педагогических советов и родительских комитетов; упорядочении работы ученических организаций; укреплении дисциплины учащихся; повышении и уточнении их ответственности за своё поведение»⁴⁷.

Решено «покончить с иждивенческими настроениями мест, нередко рассчитывающих исключительно на централизованное снабжение школ такими предметами, как ученические ручки, чернила, мелки, грифельные доски и проч., – для чего добиться производства этих принадлежностей на предприятиях местной промышленности и промкооперации из местного

⁴⁴ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 135. Л. 49–50.

⁴⁵ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 135. Л. 49–50.

⁴⁶ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 135. Л. 49–50.

⁴⁷ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 135. Л. 49–50.

сырья»⁴⁸. А также «ускорить пересмотр Наркомпросом РСФСР старых и составление новых учебников... применять при этом систему конкурсов и издания параллельных учебников по одному и тому же предмету»⁴⁹.

Необходимо «расширение контингента детей, получающих через школу и детские столовые дополнительное питание и в первую очередь детей военнотружеников». И нужно подумать об улучшении качества питания. Хорошим подспорьем в этом вопросе считают «своевременный сбор и хранение продуктов, полученных с пришкольных участков»⁵⁰.

В области педагогического образования предполагаются меры по улучшению подготовки учителей для начальной школы. Например, задумывается создание учительских семинарий, как дань памяти великому русскому педагогу К.Д. Ушинскому, разработавшему «Проект учительской семинарии», финансируемой земством. Учительские семинарии, выпускающие учителей начальных классов, существовали в России с 60-х гг. XIX в. до 1917 г. Столь «архаичное» для советского времени слово в наименовании важнейшего педагогического учебного заведения высокой поддержки не нашло, в бытовании остались учительские техникумы и училища. А вот учёба в учительских институтах увеличилась с 2 до 3 лет, а выпускники обязывались быть готовыми «преподавать несколько смежных дисциплин»⁵¹.

Особая статья – улучшение материально-бытового положения учителей – «снабжение их хлебом, продуктами питания, одеждой и обувью, керосином, предметами ширпотреба, а также своевременной выдачи им заработной платы». Предлагается разработать «систему поощрений... в соответствии с проявленным ими усердием, продолжительностью работы на одном месте, стажем и общественным авторитетом». Причем требуется повести «решительную борьбу с проявлениями бездушного отношения к учителю, привлекая виновных в этом к строгой ответственности»⁵².

В целях усиления борьбы с безнадзорностью детей необходимо срочно «восстановить сеть внешкольных учреждений, свернутую в начале войны ...принять меры к созданию детского спортивного общества «Смена». И упорядочить посещение школьниками театров и кино.

Особыми постановлениями правительства регламентируется возрождение в стране детских театров и кинотеатров, оговаривается, что в репертуаре взрослых учреждений культуры должны присутствовать детские спектакли, утренники.

Всё задуманное педагогической элитой страны требует наличия многотысячной армии педагогов, желательно молодых и инициативных. И их продолжают готовить педагогические вузы, несмотря на то, что подавляющая масса студенчества сражается на фронтах Великой Отечественной войны. Например, несмотря на блокаду Ленинграда, ни на день не прекращает свою работу Педагогический институт имени Герцена. Хотя что основная масса профессорско-преподавательского и студенческого состава эвакуируется в тыл, такие светила отечественной науки, как профессор В.Н. Вернадский, профессор С.Л. Рубинштейн и другие, продолжают своё служение, чтобы жизнь в институте не замерла. Они не только пишут научные статьи и монографии, часто изменив тематику своих исследований в пользу тем, связанных с обороноспособностью страны, но и продолжают работу со студентами и аспирантами. Благодаря самоотверженности и мужеству учёных и студентов жизнь в институте продолжается: в 1942–1943 гг. в здесь обучается 287 студентов и 26 аспирантов; в 1943–1944 гг. – 811 студентов и

⁴⁸ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 135. Л. 49–50.

⁴⁹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 135. Л. 49–50.

⁵⁰ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 135. Л. 49–50.

⁵¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 135. Л. 49–50.

⁵² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 135. Л. 49–50.

32 аспиранта. В 1943 г. – институт оканчивают 79 студентов и 5 аспирантов, в 1944 г. – 120 студентов и 6 аспирантов⁵³.

«Там, где раньше учились думать у русских, там сейчас нужно учиться думать у финнов»? В иных условиях оказываются в годы войны преподаватели и студенты Петрозаводского университета. Как пишет профессор Ю.А. Васильев: «Политика финской администрации на оккупированной территории была определена задолго до вторжения финских войск в Карело-Финскую ССР. Программа действий определялась идеологией создания будущей «Великой Финляндии», включающей территорию Карелии с этнически родственным финно-угорским населением»⁵⁴.

Именно поэтому финские оккупационные власти проводят в Карелии политику «разделяй и властвуй», раздавая «родственному» населению – финнам, карелам, вепсам, ингерманландцам – паспорта иного цвета, чем русским, белорусам, украинцам. Именно поэтому предлагается «родственным» народам паёк, сопоставимый по нормам с ленинградским блокадным, а иные, «неродственные» народы лишаются и этой малости, сгоняются в концлагеря, умирают от голода и издевательств оккупантов.

Но подавляющее большинство населения республики не воспринимает призывов пришельцев: «Открыть в Восточной Карелии окна в Финляндию для карелов», «Никогда карелу не быть русским», «В груди карельской молодёжи бьётся финское сердце», «Там, где раньше учились думать у русских, там сейчас нужно учиться думать у финнов. Там, где раньше учили опознавать Россию, там теперь нужно учиться опознавать Финляндию». В секретных отчетах Военного управления Восточной Карелии оккупанты признаются: «Несмотря на работу, проведённую в течение двух лет, мы замечаем, что в народе ещё не проснулось национальное чувство, он продолжает оставаться пропитанным большевистским духом»⁵⁵.

«Несознательное» население приклеивает оккупантам презрительно-ироничное прозвище «колопай» («Ударил человека, значит, дал колопайку» – до сих пор говорят в Кондопоге – О.Ж.).

Новая дисциплина – «Сплавное дело». Советская власть, в отличие от финской, не декларирует своей особой политики по отношению к финно-угорскому населению, но, наверное, неспроста эвакуирует Петрозаводский университет именно в Сыктывкар, где компактно проживает другой финно-угорский народ – коми. Языковая и культурная близость, несомненно, помогает эвакуированным студентам быстрее освоиться в новой для себя среде и активно включиться в помощь фронту.

Добровольно отказавшись от летних каникул, студенты выполняют по несколько суточных норм, работая на лесосплаве. И даже ректор университета К.Д. Митропольский с гордостью рассказывает: «Сам же я тоже хожу с мозолями, багор часто бывает в моих руках. Более того, я научился им владеть, и неплохо».

В январе 1943 г. в учебный план вводятся новые предметы – «Сплавное дело» (50 часов) и «Сельскохозяйственное производство». Открываются автокурсы. Студенты работают в Трехозёрной запани и водном цеху Сыктывкарского лесозавода № 1. С 16 июня по 24 сентября университет полностью отвечает за выполнение производственной программы завода – выкатку из воды 8 тысяч бревен в сутки (т. е. 3 тысяч кубометров древесины). В течение летнего периода 1943 г. студенты вырабатывают 3916 норм при 3165 трудоднях (т. е. обеспечивают 107 % ежедневной выработки)⁵⁶.

⁵³ Кольцова В.А., Олейник Ю.Н. Советская психологическая наука в годы Великой Отечественной войны (1941–1945). М., 2006. С. 45–46.

⁵⁴ Васильев Ю.А. Юрий Андропов. На пути к власти. М.: Вече, 2017. С. 109.

⁵⁵ Васильев Ю.А. Юрий Андропов. На пути к власти. М.: Вече, 2017. С. 111.

⁵⁶ См.: Васильев Ю.А. Тайны «Могикана». М.: МосГУ, 2014.

«Дать стране человека, который бы всё умел – и делать, и думать». И если ранее женский труд вообще не применялся на лесосплаве, то теперь именно студентки становятся главной рабочей силой. Работают в две смены – дневную и ночную, по 12 часов каждая, и в дождь, и в холод, в сентябре – даже в снег. «Программа напряженная, – отмечает К.Д. Митропольский, – и это чувствуют товарищи и теперь крепко взялись за работу. Без труда не вырастить честных людей, не дать стране человека, который бы всё умел – и делать, и думать»⁵⁷.

Как справедливо замечает профессор Васильев: «В этой замечательной фразе руководитель университета, педагог по специальности (он являлся также зав. кафедрой педагогики) выразил важнейшую государственную установку, связанную с обучением и воспитанием студенчества – будущего потенциала страны. ...После трудового дня передовые бригады получали поощрение в виде традиционного пирога. Сам директор завода подносил его на широком блюде, на полотенце и в присутствии всех рабочих вручал пирог отличившейся бригаде. Студенты, перевыполнявшие нормы, получали право на дополнительный «стахановский» обед». Студенты Петрозаводского университета вызывают на соревнование студентов местного Коми педагогического института – так на деле крепится дружба, взаимопомощь и понимание братских народов в советском тылу.

Показателен факт – в 1943 г. из 16 студентов-мужчин в университете 15 – инвалиды войны. Поэтому особое внимание уделяется военной подготовке девушек, обучающихся на военной кафедре по специальностям сандружинниц, телеграфисток, телефонисток, радисток. Университет готовит в тылу боевой резерв. Но с начала 1944 г. призыв студентов и преподавателей в армию прекращается. Власть понимает, что необходимо сохранить интеллектуальный и научный потенциал для будущего развития страны.

Около трёх лет проработал университет в Сыктывкаре, только в июле 1944 г. начинается возвращение в освобожденный Петрозаводск. Оккупанты разрушили город, в том числе здание университета, которое восстанавливается с помощью студенческих рук. Поразительным результатом военных лет можно считать то, что успеваемость студентов в военные годы составила 92 %, процент хороших и отличных оценок – 84 %. За годы войны университет подготовил 75 квалифицированных специалистов (в том числе в 1942 г. – 22 человека, в 1943–14, в 1944 г. – 33 выпускника).

«Мы станем врачами, инженерами позднее, после победы...» Выпускница Повенецкой средней школы Лена Орлова обращается к сверстницам с призывом овладеть специальностью шофера, тракториста. Она, мечтавшая до войны стать врачом, пишет в газете: «Мы станем врачами, инженерами позднее, после победы – сейчас необходимо трудиться там, где больше всего нужны Родине». И её сверстницы-девчонки, в основном учащиеся 9–10-х классов, осваивают профессии шоферов, трактористов для работы на предприятиях, лесозаготовке. Становятся токарями, фрезеровщиками, слесарями на заводах. Отметим, нет в русском языке наименований этих непростых специальностей в женском роде! А руководители предприятий говорили: «Никогда на тракторах и автомашинах не работали такие грамотные, квалифицированные кадры»⁵⁸.

Курсант Хрульков и «благородные привычки джентльмена». Как же воспринимают революционные изменения в образовании те, ради кого так старались учителя? В моем личном архиве хранятся несколько удивительных писем военного времени, их пишет курсант Ленинградского мореходного училища Хрульков отцу и младшей сестре в Хакасию. В послании, датированном июнем 1944 г., он рассуждает, почему в программе училища «особенно большой упор на иностранные языки»: «Нам, офицерам флота, придётся частенько бывать за границей, а там, смотря на нас, будут судить о русском народе в целом, то нам и стараются

⁵⁷ См.: Васильев Ю.А. Тайны «Могикана». М.: МосГУ, 2014.

⁵⁸ См.: Васильев Ю.А. Тайны «Могикана». М.: МосГУ, 2014.

вдолбить в голову «сию премудрость». И зря, по-моему, «некоторые гражданские» говорят так: «учись, учись – инженером станешь, а не доучишься – офицером будешь». У нас сейчас проявляют большой интерес к повышению культурного уровня морского офицера. Сейчас на каждом шагу можно услышать слова адмирала Нельсона (жизнь которого показана в картине «Леди Гамильтон»): «Нельзя стать хорошим морским офицером, не соединив в себе практического знания матроса с благородными привычками джентльмена». И я приветствую это. Давно пора взяться за наше воспитание. Ведь ты же знаешь, чему нас учили в школе. Школа давала нам только некоторое образование. ... Вот потому-то наша молодёжь, выходя из школы, в большинстве своём видела только то, что пред ними «раскинулось море широко», а что «волны бушуют вдали», этого никто почти не видел. А сейчас, мне кажется, и в школах стало по-другому. Ведь разделение школы на мужские и женские гимназии тоже кое-что значит. ... Думаю, что и преподавание там тоже ново.

... Да, папа, я тебе хотел написать одну забавную вещицу. Для тебя может быть это и новость. Ты знаешь, что сейчас морскому офицеру запрещено жениться на девушке, не имеющей хотя бы среднего образования. Это кажется маленько смешным, но вместе с этим это послужит неплохим средством для поднятия культурного уровня, хотя бы будущего нашего поколения. Ты должен согласиться, что в воспитании детей мать играет довольно большую роль»⁵⁹.

Младшей сестре-школьнице брат отдаёт строгие наказания, явно повторяя слова, которые сам недавно услышал от преподавателей: «Учиться надо и надо. И знаешь, Лариса, знать нужно куда больше, чем то, что даёт школа. А поэтому нужно самой серьёзно заниматься. И первым твоим помощником должна быть книга. Нужно очень много читать, нужно любить книгу. Ты же ведь знаешь, как смотрят на образованность человека. Пусть он будет силен в какой-либо отдельной области (хотя бы технике), но если он не ответит на такой мелкий вопросик: кто такой Эразм Роттердамский, – значит, он неуч, мало читал и т. д. Нужно, Лариса, читать. У нас же такая богатая русская литература, такие великие люди: Толстой, Тургенев, Пушкин, Лермонтов и много-много других. Читая, ты будешь расширять свой кругозор, поднимать свой культурный уровень. В книге ты найдешь ответ на любой волнующий, поставленный жизнью, вопрос. Книга должна быть другом»⁶⁰.

Война не отменяет «мир детства». Представители старшего поколения до сих пор вспоминают нехитрые забавы военного детства – самодельные тряпичные куклы, машинки и паровозики из деревянных чурочек, сколоченные старшими братьями, новогодние игрушки из ваты и проволоки... Но! Несмотря на то, что во время войны многие предприятия оказались на оккупированной территории или перепрофилировались на выпуск военной продукции, закрылись из-за отсутствия сырья и кадров, уже в 1943 г. решениями Совета Министров РСФСР ежегодно стали выделяться материалы и оборудование для выпуска детских игрушек. К 1946 г. фактически уже было восстановлено производство их в РСФСР. В это же время возобновляет работу Институт игрушки в Загорске (ныне – Сергиев Посад).

И, что особенно символично, во время войны, как и до неё, производство детских игрушек подчас брали на себя предприятия, выпускающие продукцию оборонного значения, подчиняющиеся наркоматам среднего и общего машиностроения, химической, резиновой и целлюлозной промышленности. Но есть в истории войны уникальный факт – ещё 26 июня 1942 года в г. Кирове на заседании президиума Культмузпромсоюза принимается решение открыть артель под простым и понятным названием – «Игрушка». Так откликнулся Вятский край, исстари знаменитый своими мастерами-игрушечниками, на прибытие тысяч эвакуированных сюда малышей, в одночасье лишившихся дома и семьи, нуждающихся в заботе и теплоте, в

⁵⁹ Личный архив автора.

⁶⁰ Личный архив автора.

любых проявлениях знакомого и желанного «детского мира», для которого игрушка – важнейший атрибут. Среди 41 сотрудника артели 40 – женщин-надомниц, но они налаживают выпуск 33 видов игрушек из самых доступных по военному времени материалов – ваты, папье-маше, прессованных опилок. В ассортименте – и картонные новогодние елочные украшения, и куклы из лоскутков ткани и набитые ватой. Но как показательно, что производство, ставшее фабрикой в 1960 г., пережив и войну, и «лихие» 90-е, до сих пор является лидером среди отечественных производителей игрушек!⁶¹

Учителям – отличия и уважение. Грандиозная Орловско-Курская битва, ознаменованная первым салютом в Москве, гром которого радио доносит до всех уголков страны и мира, выводит из войны многих сателлитов Германии, высвободив немалую денежную сумму по оборонным статьям. И 11 августа выходит долгожданное Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О повышении заработной платы учителям и другим работникам начальных и средних школ». В области и края идут строгие указания для местной власти – в первую очередь обеспечивать товарами первой необходимости, а также одеждой, обувью учителей. А 8 апреля 1944 г. Совнарком СССР учреждает знак отличия для лучших педагогов «Отличник народного просвещения».

Для подведения серьёзного научного фундамента под развитие школьной реформы с задачей сделать советское образование лучшим в мире 6 октября 1943 г. СНК СССР утверждается проект организации Академии педагогических наук. А 20 ноября 1944 г., когда Красная Армия, переименованная в Советскую, гонит врага за пределы родной земли, нарком Потёмкин собирает вторую сессию Академии педагогических наук. На повестке дня вопрос о самобытности и оригинальности русской педагогики и психологии – материал обширный, требует внимательного чтения. В преддверии победы по предложению Наркомата просвещения РСФСР СНК РСФСР издаёт Постановление, стимулирующее научные изыскания в скромной, не избалованной материальными благами учительской среде – «Об установлении в Академии педагогических наук РСФСР денежных премий за лучшие научные работы по педагогическим наукам».

3 сентября 1946 г. в Москве в большом зале Московской консерватории Академия педагогических наук проводит заседание, посвящённое 75-летию со дня кончины великого самобытного педагога К.Д. Ушинского. С докладами выступают члены Академии Е.Н. Медынский и А.М. Еголин. Председательствует академик В.П. Потёмкин. И никто не знает ещё, что это последние дни жизни на земле удивительного наркома просвещения РСФСР.

...И если довоенная советская школа своим акцентом на военно-патриотическое, спортивное и трудовое воспитание подготовила миллионы крепких духом и телом защитников Отечества, то школа, реформированная в годы войны, начала подготовку детей народа-Победителя, творцов-интеллектуалов, которые должны были совершить и совершили открытия во всех областях науки, техники, культуры. Участвовали в восстановлении страны. Создали атомное оружие для защиты государства. Запустили в космос первый спутник и первого героя-космонавта. Проникли в глубь земли на рекордные для мира 13 км. Достигли дна океанов на глубоководных аппаратах. Строили БАМ с его десятками тоннелей в труднопроходимых горах. Создали свои оригинальные ЭВМ и станки с ЧПУ. Снимали фильмы-шедевры, издавали в миллионных экземплярах книги и сочиняли дивные, возвышающие душу песни. И делали многое другое, что под сенью великой Победы отцов и дедов казалось незыблемым и вечным...

О дне сегодняшнем. В горячем споре об итогах Великой Отечественной войны один мой студент заявил, что на оккупированной Смоленщине крестьянам жилось лучше, чем в «Совдепии», и сегодня каждый русский человек обязан называть эту войну советско-нацист-

⁶¹ Как это работает. Как делают куклы на старейшей фабрике игрушек в России / [Электронный ресурс] //Stena.ee. URL: <http://www.stena.ee/blog/kak-eto-rabotaet-kak-delayut-kukly-na-starejshej-fabrike-igrushek-v-rossii> (дата обращения: 4.03.2019)

ской. Другой, исчерпав запас аргументов из семейной истории, вспыхнул в ответ: «Я не понимаю, как ты можешь так говорить? Ты же русский! Ты всегда (!) должен (!) быть за Россию!»

Одна из студенток назвала переломным сражением Великой Отечественной «Бредскую битву». Видимо, что-то слышала о подвиге Брестской крепости или об одноименном кинофильме. Другая засомневалась: «Сталинград или Бородино?» Видимо, что-то слышала о фильме Ф. Бондарчука.

Студент, получив задание приготовить доклад о Рокоссовском, спросил: «А кто это?» Рассказывая о советском периоде, он «открывал» для себя и сокурсников, путая ударения, таких персонажей, как Сахáров, Кагáнович и т. д.

Настоящим «героем бредских битв» становится преподаватель, открывающий дверь в школьный класс или в университетскую аудиторию, чтобы говорить об истории Отечества с «инопланетянами», которые, кажется, только вчера «упали с Луны»! Увы, вопросы: «Кто виноват?» и «Что делать?» остаются для современной системы российского образования риторическими. Но очень хотелось бы пожелать многочисленному отряду «героев бредских битв» – преподавателей средней и высшей школы, министров-полководцев масштаба наркома В.П. Потёмкина...

Говорит и готовится показывать – Москва

При подготовке к нападению на СССР большая роль отводится гитлеровцами войне психологической и информационной. В каждой военной и гражданской структуре фашистской Германии создаются специальные отделы, подчиняющиеся Управлению по делам пропаганды. В особые роты, входящие в состав частей вермахта, призваны военные журналисты, фотокино-радиорепортёры, специалисты по изданию листовок, плакатов, газет, книг. Центральный орган – Министерство с красноречивым дисгармоничным названием – «народного просвещения и пропаганды» имеет особый Восточный отдел с подразделениями специально для работы на население СССР под названием «Винета» («венеты» – одно из древних названий славян и русских в Европе). Мало того, в области пропаганды вменено работать и созданному с началом нападения на СССР Министерству по делам оккупированных восточных территорий, возглавляемому прибалтийским немцем Альфредом Розенбергом. Он дополнительно создаёт спецподразделения пропаганды в оккупированных районах, радио, прессу и даже пытается взять под свой идеологический контроль духовенство. Много усилий в пропаганде «нового мирового порядка» для славян прилагает, в сотрудничестве с немцами, и белоэмигрантская организация «Антикоминтерн». Но крах блицкрига осенью 1941 г. и постоянные успехи Красной Армии по изгнанию захватчиков с конца 1943 г., неопровержимо доказавшие неэффективность фашистской пропаганды, заставляют гитлеровское руководство выделить роты пропагандистов в вермахте в особый род войск, обеспеченный радиомашинами, полиграфическим оборудованием, бумагой⁶².

Только в оккупированной Литве фашисты обрабатывают сознание населения, выпуская 8 газет общим тиражом 500 тыс. экз. и 16 журналов. Общий тираж выпущенных книг составляет 3,5 млн экз.⁶³

Когда в республику вступают советские войска, большая часть литовской интеллигенции открыто говорит об опасении «русификации» Литвы, так как: «население проявляет живой интерес к происходящим событиям... В Вильнюсе ежедневно в часы передач по радио сводок Советского Информбюро и последних известий на польском и русском языках около уличных динамиков собираются толпы народа. Такой же огромный интерес и к центральным газетам, вывешенным в витринах. Около киосков Союзпечати устанавливаются очереди ещё до получения газет»⁶⁴.

...Гигантской пропагандистской машине фашистской Германии в годы войны противостоят в СССР, прежде всего, Управление агитации и пропаганды при ЦК ВКП(б) под началом Георгия Фёдоровича Александрова и Главное политическое управление Красной Армии, которым с начала 1942 г. руководит секретарь ЦК ВКП(б), одновременно 1-й секретарь МГК и МК и начальник Совинформбюро Александр Сергеевич Щербаков. Эти организации курируют работу радио, редакций газет, журналов, книжных издательств. Сотни тысяч общественных агитаторов и пропагандистов, черпающих знания и силу духа из радиопередач, газетных и журнальных публикаций, работают на фронте и в трудовом тылу, т. е. занимаются пропагандой (с лат. «распространение») и агитацией (с лат. «приведение в движение»). Миллионы листовок разбрасывают наши самолёты над вражескими позициями.

Распространение ложных слухов – это измена родине. Уже в дни неожиданного для врага мощного контрнаступления под Москвой генерал Альфред Йодль (начальник штаба оператив-

⁶² Окорочков А.В. Особый театр военных действий. Генерал Сандалов. Сб. док. и мат. М., 2011. С. 246.

⁶³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 258. Л. 91.

⁶⁴ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 258. Л. 105.

ного руководства вермахта, тот самый, который 7 мая 1945 г. подпишет Акт о капитуляции Германии перед западными союзниками в г. Реймсе) в директиве командирам войсковых подразделений вермахта «О политической пропаганде» раздражённо констатирует идеологический проигрыш: «Советский противник в области пропаганды развивает исключительную деятельность. Зима будет ещё в большей степени использована противником для разложения нашей армии. Поэтому невыполнение приказа о сдаче или уничтожении вражеских листовок может повлечь за собой тяжёлые последствия и даже смертельную опасность для армии и народа. Необходимо инструктирование личного состава на то, чтобы борьба с пропагандой противника велась также беспощадно, как и против всякого другого оружия врага»⁶⁵.

В свою очередь, враг распространяет ложные панические слухи, легко подхватываемые населением. Потому уже 6 июля 1941 г. Президиум Верховного Совета СССР издаёт Указ «Об ответственности за распространение в военное время ложных слухов, возбуждающих тревогу среди населения». Виновные в подобных преступлениях, предупреждает Указ, отныне приговариваются к тюремному заключению сроком от 2 до 5 лет – такова ответственность за... страх. Если же «целью распространения ложных слухов было содействие врагу», то «преступление квалифицируется как измена родине, т. е. по ст. 58 1а УК РСФСР и соответствующим статьям УК других союзных республик»⁶⁶.

«Наши взяли Кёнигсберг, а Риббентроп застрелился». Но панику и слухи нельзя запретить никаким указом, их надо развеивать, понимая, что эти явления лишь следствие, а причина, их порождающая, – отсутствие информации. Поэтому роль средств массовой информации в критических ситуациях первостепенна.

О панике первых дней войны, вызванной недостатком информации об истинном положении в стране, написано и сказано много. Но архивные документы свидетельствуют, что в обществе циркулировали и иные настроения и слухи.

...В 20-х числах июня 1941 г. на всех предприятиях Москвы проходят первые бурные митинги. Начинается запись добровольцев в действующую армию, принимаются меры, так сказать, духовной мобилизации на отражение врага. Ответственные контролёры Комиссии партийного контроля (КПК) при ЦК ВКП(б) направляются «в народ». В отчёте заместителю председателя КПК Матвею Фёдоровичу Шкирятову контролёр Байбаков сообщает с завода «Шарикоподшипник», что моральное состояние коллектива хорошее, но приводит такие факты: «Рабочий завода Алексеев... сообщил... что он собственными глазами видел, как наша зенитная артиллерия, якобы, сбила германский бомбардировщик... При подробном опросе т. Алексеева в партийном комитете и на собрании коммунистов цеха выяснилось из его собственных признаний, что заявил он это с целью похвалиться. На заводе усиленно циркулируют слухи о взятии Варшавы, Кёнигсберга и о том, что, якобы, застрелился Риббентроп. В информационную сводку на имя парткома завода поступали также заявления отдельных товарищей о вражеских десантах в районе Москвы...»⁶⁷

Подобные и другие невероятные слухи циркулируют и на других московских предприятиях: «Красная Армия разбомбила и взяла Варшаву, Кёнигсберг и ведёт успешное наступление на Румынию»⁶⁸, «Германия практикует высадку десантов, и у нас вот под Ленинградом немцы сбросили 10 тыс. парашютистов, не успел из них никто приземлиться...»⁶⁹ И важно, как

⁶⁵ О Московской битве и Великой Отечественной войне. Воспоминания и статьи. М., 1997. С. 145–146.

⁶⁶ Ведомости Верховного Совета СССР. 1941. № 32.

⁶⁷ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 44.

⁶⁸ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 44.

⁶⁹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 44.

инструктируют в КПК, «чтобы агитаторы в своих беседах разъяснили рабочим, что подобные слухи могут быть использованы антисоветскими элементами для своих целей»⁷⁰.

Особой заботой контролёров становятся призывные пункты, работающие круглые сутки, где собираются будущие бойцы и провожающие их родные. Контролёр Кузьмин замечает, что на призывном пункте Советского района: «культ-массовых мероприятий среди призывников не проводится, нет радио, газет, журналов и пр.»⁷¹

«Внимание! Говорит Москва!» Среди средств массовой информации военного времени – газет, журналов и радио – важнейшее значение приобретает именно радио, ибо не имеет себе равных по скорости оповещения и эмоциональному воздействию на слушателей «живым голосом».

К началу Великой Отечественной войны телевидение, вещание которого началось в 1939 г. в Москве и Ленинграде, широкого распространения ещё не получило и с началом войны было законсервировано. Но регулярное радиовещание, начавшись в 1924 г., к 1941-му стало всеохватывающим: в большинстве городских квартир и сельских изб прислушиваются к чёрной «тарелке» репродуктора. На центральных улицах и площадях городов и сёл установлены громкоговорители. Главный инженер Московской городской радиотрансляционной сети (МГРС) И. Шамшин отмечает, что перед войной МГРС обслуживала более полумиллиона радиоточек и насчитывала свыше тысячи сотрудников: «Москва располагала совершенной системой оповещения и информации»⁷².

...Воскресным утром 22 июня 1941 г. всю страну тревожит голос Юрия Левитана, сообщивший о важном правительственном сообщении, которое будет передано в 12 часов. Ровно в полдень нарком иностранных дел СССР Вячеслав Михайлович Молотов сообщает о вероломном нападении на Советский Союз фашистской Германии, заканчивает речь пророческими словами: «Наше дело правое! Враг будет разбит! Победа будет за нами!»⁷³ С этого дня радио в домах и на площадях не отключается, сплавливает многомиллионный народ в единое целое, живущее одними задачами, одной великой целью.

Уже через 45 минут после речи Молотова в эфир выходит экстренно подготовленный первый, военный, выпуск «Последних известий» с призывами: «Ответим на удар врага сокрушительным ударом!», «Удесатерим трудовые усилия для помощи Красной Армии!», «Сметём с лица земли фашистских поджигателей войны!» В ночном выпуске «Последних известий» передаётся краткое первое сообщение с фронта.

В связи с введением в стране военного положения 25 июня 1941 г., Постановление Совета народных комиссаров Союза ССР за № 1750 по вполне понятным причинам «обязало всех без исключения граждан Советского Союза сдать на временное хранение в органы НКСвязи все радиоприёмники и радиопередающие установки, находящиеся в индивидуальном пользовании»⁷⁴.

Радио оповещает, сигнализирует, руководит. Быстро меняющаяся обстановка в воюющей стране, необходимость тотчас откликаться на события и давать комментарии к ним кардинально изменяют работу Всесоюзного радио. До войны большинство передач готовилось заранее, в записи, составлялась программа на неделю вперёд и публиковалась в газетах. В связи с эвакуацией основных мощных радиостанций столицы на восток Центральное радиовещание переходит на короткие волны, используя вместо трёх программ всего одну, и боль-

⁷⁰ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 44.

⁷¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 44.

⁷² Каммерер Ю.Ю., Караулов В.С., Лапиров С.Е. «Москве – воздушная тревога!» Местная ПВО в годы войны. М., 2000. С. 48.

⁷³ Известия. 1941. 24 июня.

⁷⁴ Русский архив: Великая Отечественная: Приказы народного комиссара обороны СССР 22 июня 1941 г. – 1942 г. Т. 13 (2–2). М., 1997. С. 72.

шинство её передач выходит в прямом эфире, «в микрофон». Предварительно подготовленные тексты выступающих, конечно, прочитываются редакторами, но проконтролировать прямой эфир невозможно, и при самых строгих циркулярах цензуры каждый выступающий сверяет свои слова с «внутренним цензором», зная, что его речь слушает весь мир – и друзья, и враги. В записи готовятся лишь репортажи и интервью с фронтов и предприятий. Репортёры приезжают сюда отнюдь не с портативным диктофоном, как сегодня, а на специально оборудованном автобусе, напичканном аппаратурой.

...Трудно представить, какое напряжение сил, какая ответственность требовались от дикторов и радиожурналистов при подготовке материалов и выходе в прямой эфир, сколь непросто было обеспечить бесперебойность работы радиооборудования инженерам и техникам связи. Это был подвиг, не замечаемый на фоне героизма на фронте и в тылу даже самими творческими и техническими сотрудниками Всесоюзного радио.

Московский диктор А. Уколычев вспоминает, как вызвали его на работу телефонным звонком в 6 часов утра 22 июня 1941 г.: «Дикторская комната на первом этаже радиокомитета, небольшая, с предельно скромной рабочей обстановкой... была шумной. Здесь уже находились молодые в то время, но широко известные дикторы: Юрий Левитан и Ольга Высоцкая, Елизавета Отыасова и Эммануил Тобиаш, Евгения Гольдина и Владимир Герцик и другие. На столе диспетчера беспрерывно звонил телефон. От корреспондентов радиокомитета в западных городах страны, из телеграмм, поступивших от них в эти минуты, мы узнали о начале войны... 24 июня я был вызван к председателю радиокомитета Дмитрию Алексеевичу Поликарпову, от которого получил назначение в штаб МПВО Москвы... Начальником штаба в то время был майор С.Е. Лапиров. Кратко ознакомив меня с моими обязанностями, особое внимание обратил на то, как я должен объявлять по городской радиотрансляционной сети воздушную тревогу в случае налёта вражеской авиации, что в моём голосе не должно быть даже намёка на волнение. Кроме того, мне предстояло регулярно читать тексты о том, как москвичам вести себя во время воздушных тревог и в случае химического нападения... Помню, как моё волнение нарастало в ожидании команды начальника штаба об объявлении тревоги, как в эти секунды я непрерывно повторял про себя всего лишь три слова: «Граждане! Воздушная тревога», чередуя их со словами самовнушения: «Спокойно. Спокойно»⁷⁵.

«Радиотарелка стала необходимым атрибутом повседневной жизни советских людей. Нельзя было жить, не слушая радио. Радио оповещало, сигнализировало, руководило нами, – связывало родных и близких»⁷⁶, – вспоминает известный мастер художественного слова Владимир Николаевич Яхонтов.

«От Советского Информбюро»... На третий день нашествия, 24 июня, Постановлением ЦК ВКП(б) и Совнаркома СССР создаётся Советское информационное бюро (Совинформбюро, СИБ), обязанное ежедневно готовить для радио и прессы военно-оперативные сводки об обстановке на фронте по сведениям, предоставляемым оперативным отделом Генерального штаба Красной Армии⁷⁷. Каждый день миллионы людей замирают у радиоприёмников при словах Юрия Левитана: «От Советского Информбюро...» Сводки – утреннее и вечернее сообщения – повторяются за день многократно.

Но с первых часов нападения телефонная связь (а радиосвязь только внедрялась) частей Красной Армии с Москвой и между собой повреждается фашистскими парашютистами-диверсантами на разных участках фронта. В Москву доходят лишь случайные, отрывочные донесения. А.С. Щербаков, взявший на себя ответственную обязанность подбора и подготовки

⁷⁵ Каммерер Ю.Ю., Карацлов В.С., Лапиров С.Е. «Москве – воздушная тревога!» Местная ПВО в годы войны. М., 2000. С. 53–54.

⁷⁶ Яхонтов В.Н. Театр одного актёра. М., 1958. С. 410.

⁷⁷ Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1971). 8-е изд. Т. 6. 1941–54. М., 1971. С. 13.

текстов сводок⁷⁸, прибегает к обобщающему слову «направления», показывая этим масштаб вторжения по всей западной границе. «В течение 24 июня противник продолжал развивать наступление на Шауляйском, Каунасском, Гродненско-Волковысском, Кобринском, Владимир-Волынском и Бродском направлениях, встречая упорное сопротивление войск Красной Армии»⁷⁹. Вполне конкретно звучит лишь точная информация за 26 июня о действиях против румынской армии, наступавшей на южном направлении: «Наша авиация в течение дня бомбардировала Бухарест, Плоешти и Констанцу...» Вот почему по Москве тут же пошли слухи – наши успешно наступают на Румынию!

«Временные успехи противника» и «наши временные неудачи». 28 июня немецкие войска занимают Минск. Сводка Совинформбюро за этот день сообщает лишь: «На Минском направлении войска Красной Армии продолжают успешную борьбу с танками противника, противодействуя их продвижению на восток. По уточнённым данным, в боях 27 июня на этом направлении уничтожено до 300 танков 39 танкового корпуса противника»⁸⁰. Вечерняя сводка за 29 июня не проясняет ситуацию: «На Минском направлении усилиями наших наземных войск и авиации дальнейшее продвижение прорвавшихся мотомехчастей противника остановлено. Отрезанные нашими войсками от своих баз и пехоты мотомехчасти противника, находясь под непрерывным огнём нашей авиации, поставлены в исключительно тяжёлое положение»⁸¹.

И никто ещё не знает, что в первый день войны пограничные заставы, на подавление которых враг отводил полчаса, держатся сутками-неделями, а Брестская крепость – больше месяца. Что, несмотря на уничтожение в первые часы вторжения более 1200 наших самолётов на аэродромах, советские соколы в тот первый день сражаются в небе выше 200 фашистских, из них 16 – невиданным в других армиях мира приёмом – воздушным тараном⁸².

В сводке за 10 июля появляется и становится постоянной «глухая» фраза: «В течение дня на фронте не произошло чего-либо существенного»⁸³, а бои называются то крупными, то ожесточёнными, то местного значения. Только в вечернем сообщении за 13 августа впервые звучит горькая правда: «Несколько дней назад наши войска оставили город Смоленск»⁸⁴. 14 августа сводка даёт представление о гигантской мощи вторжения, косвенно объясняя причины отступлений Красной Армии: «В течение 14 августа наши войска вели ожесточённые бои с противником на всём фронте от Ледовитого океана до Чёрного моря. На южном направлении оставили города Кировоград и Первомайск»⁸⁵.

Необъективную подачу материала в сводках первых месяцев войны с позиций сегодняшнего дня можно осуждать, но в ту пору обтекаемые формулировки стали насущной необходимостью, – важно не допустить упаднических настроений и паники. Сотрудники Совинформбюро, радио и редакций газет не были профессиональными психологами и уж тем более ничего не слышали о столь модном ныне нейро-лингвистическом программировании (НЛП), но журналистское чутьё подсказывает им необходимые «кодовые слова», повторяющиеся рефреном в сводках СИБа и передовых статьях газет, «программирующие» людей на победу: «временно оккупированные советские территории», «временные успехи противника», «наши временные неудачи»...

⁷⁸ Штеменко С.М. Генеральный штаб в годы войны. М., 1975. С. 193–194.

⁷⁹ Сообщения Советского Информбюро. Т. 1. М., 1944. С. 3.

⁸⁰ Сообщения Советского Информбюро. Т. 1. М., 1944. С. 8.

⁸¹ Сообщения Советского Информбюро. Т. 1. М., 1944. С. 11.

⁸² Жукова Л.Н. Выбираю таран. М., 2005. С. 10–11.

⁸³ Сообщения Советского Информбюро. Т. 1. М., 1944. С. 43.

⁸⁴ Сообщения Советского Информбюро. Т. 1. М., 1944. С. 139.

⁸⁵ Сообщения Советского Информбюро. Т. 1. М., 1944. С. 140.

Другой тонкий психологический приём, используемый в сводках, – своеобразное «уравновешивание» информации: даже в дни фронтовых поражений сводка рассказывает ещё и о ярких боевых эпизодах, называя имена отдельных героев и целых героических полков и дивизий, о трудовых победах советского тыла, и тут же – о тяжёлом положении в европейских странах, оказавшихся под фашистским сапогом, и во множестве цитирует покаянные признания немецких пленных.

Когда «наши временные неудачи» преодолеваются, а Красная Армия начинает решительное контрнаступление под Москвой 5 декабря 1941 г., сводка Совинформбюро от 7 декабря лишь осторожно отмечает: «На ряде участков Западного фронта наши части, отбив ожесточённые атаки противника, своими контратаками нанесли немецким войскам большой урон в технике и живой силе и продвинулись вперёд»⁸⁶. Будем помнить – в ту пору сводок Совинформбюро ждёт не только наша страна, но и весь мир...

За годы войны вышло в эфир около 2000 сводок Совинформбюро и 122 сообщения в передаче «В последний час». В самые напряжённые тревожные для страны дни у микрофона «Последних известий» выступают партийные и общественные деятели страны, фронтовики, артисты, писатели, поэты, рабочие-стахановцы, сельские передовики. В их речах не бывает уныния, они воодушевляют, умножают силы.

Трудовой подвиг советских связистов. Техническое обеспечение бесперебойной работы радиовещания – главная забота советских связистов. А. Тягунов, во время войны возглавлявший Службу оповещения о воздушных налётах г. Москвы, вспоминает: «В семь утра 22 июня мы с инженером П. Кротовым были на командном пункте МПВО: нас срочно вызвали туда. А днём мы обеспечивали передачу по радиотрансляционной сети Москвы приказа начальника МПВО города. С передачей сигналов всё шло как будто неплохо, но беспокоило, хорошо ли они слышны во всех частях города. Чтобы это проверить, я на дежурной машине поехал по районам. Система успешно выдержала испытание. А через месяц, в ночь на 22 июля, нам пришлось оповестить население Москвы о первом налёте фашистских стервятников. Это было началом нашей нелёгкой деятельности в боевой обстановке»⁸⁷.

На вооружении службы оповещения г. Москвы было 130 сирен, 479 575 репродукторов и 406 уличных динамиков. Оповещение населения и системы МПВО об обстановке осуществлялось благодаря 7 подузлам связи и 80 подстанциям сети оповещения⁸⁸ – огромное и сложное хозяйство, которое следовало поддерживать в идеальном порядке, как и всё техническое оборудование радиовещания.

С первых дней войны многие специалисты связи Москвы призываются в действующую армию, на работе в городе остаётся лишь одна треть довоенного состава. На смену ушедшим на фронт приходят женщины и подростки, становящиеся шофёрами, монтерами МГРС. Старожилы незло ворчат на молодое пополнение, когда ребята в свободную минуту выбегают на двор погонять мяч, ведь они ещё дети. Одновременно с их обучением азам профессии специалистам МГРС приходится решать массу технических проблем – промерзают сирены, происходит их самовыключение, ощущается недостаток электроэнергии, материалов. Но не хватает радиоламп – рационализаторы находят способ восстанавливать старые. Не хватает электроэнергии – вопрос решают за счёт внешнего резервирования подстанции. Когда подавляющая часть гражданского населения столицы укрывается в бомбоубежищах, московским связистам, напротив, приходится работать в авральном режиме. Если в какую-либо подстанцию МГРС

⁸⁶ Сообщения Советского Информбюро. Т. 1. М., 1944. С. 397.

⁸⁷ Каммерер Ю.Ю., Карацлов В.С., Лапиров С.Е. «Москве – воздушная тревога!» Местная ПВО в годы войны. М., 2000. С. 52.

⁸⁸ ГБУ «ЦГА г. Москвы» ЦХДОПИМ. Ф. 218. Оп. 198. Д. 9. Л. 324.

попадает бомба и оборудование оказывается повреждено, туда, не дожидаясь отбоя воздушной тревоги, выезжает аварийная команда и устраняет неполадку в кратчайший срок.

«Особенно тяжело пришлось нашим линейщикам зимой 1941 г., – вспоминает И. Шамшин, в годы войны – главный инженер МГРС, – На заснеженных, обледенелых крышах, порой в темноте восстанавливали они нарушенные линии. ... Однажды ночью мы устанавливали громкоговоритель на Красной площади. Крыша ГУМа обледенела, по её карнизам мы ползали буквально на животе, держась друг за друга. Одного маленького, хрупкого на вид парнишку я держал за ноги, когда он крепил репродуктор, и мне казалось, что он настолько слаб, что и с места не сдвинет громкоговоритель. А он столько воли проявил, справился!»⁸⁹

... Сотрудники радио делают всё от них зависящее, чтобы слушатели самых отдалённых уголков страны постоянно ощущали свою причастность с происходящим в стране и в мире. Знаковыми событиями суровой осени 1941 г. становятся радиотрансляции 6 ноября со станции московского метро «Маяковская» торжественного заседания в честь 24-й годовщины Великого Октября и потрясшего мир парада войск на Красной площади 7 ноября. И. Шамшин рассказывает: «...меня вызвал к себе нарком связи И.Т. Пересыпкин, и мы вместе поехали на станцию метро «Маяковская»... Нам было поручено обеспечить звукоусиление. Задача была непростой, так как никто не знал акустических условий этого подземного зала. ... Группа наших сотрудников... приступила к монтажу: мы укрепили по обеим сторонам платформы громкоговорители, подключённые к микрофонам, но при проверке их, к нашему разочарованию, возникли сильные помехи. Тогда я попросил наполнить зал людьми, поставить на путях вагоны, и, подбирая углы наклона громкоговорителей, мы добились-таки хорошей слышимости. Трансляция доклада и концерта прошла хорошо. ... После торжественного заседания мы с товарищами пешком шли по тёмной холодной Москве до Таганки, где тогда размещалась наша дирекция. И не чувствовали усталости»⁹⁰.

Кроме налаживания бесперебойной работы всей оповестительной системы города, связисты выполняют и заказы фронта – монтируют радиоустановки самого разного назначения: для санитарных поездов, для командной связи в авиасоединениях и лётчиков между собой в воздухе; блиндажные – для вещания через линию фронта, на вражеские окопы. Как только враг отброшен от Москвы, московские специалисты восстанавливают оборудование сотен радиоузлов в освобождённых районах. И снова звучат здесь из репродукторов объединяющие людей в единое целое, – в народ, слова: «Говорит Москва!»

Новость дня – в Москве чинят примусы! Радиокomitee с первого дня фашистского нашествия переходит на военное положение. Уже 23 июня в эфире – первая военная передача «Слушай, фронт!», созданная инициативой Виктора Гусева – известного поэта, драматурга, автора слов песни «Полюшко-поле» и сценария фильма «Свинарка и пастух». Но бодро-повелительное название передачи в духе комсомольских призывов 30-х гг. не соответствует происходящему на фронтах отступлению. И в конце лета передача снимается с эфира.

Главным направлением работы стало информационное. 26 июня 1941 г. формируется военный отдел Всесоюзного радио, координирующий все материалы на эту теперь главную тему⁹¹.

3 июля 1941 г. с давно ожидаемой народом речью выступает И.В. Сталин – генеральный секретарь ЦК ВКП(б), председатель Государственного Комитета Обороны. В историю

⁸⁹ Каммерер Ю.Ю., Карацлов В.С., Лапиров С.Е. «Москве – воздушная тревога!» Местная ПВО в годы войны. М., 2000. С. 51.

⁹⁰ Каммерер Ю.Ю., Карацлов В.С., Лапиров С.Е. «Москве – воздушная тревога!» Местная ПВО в годы войны. М., 2000. С. 50–51.

⁹¹ Глейзер М. Радио и телевидение в СССР 1917–1963 (даты и факты) М., 1965. С. 89.

вошли его непривычные для пропагандистской лексики слова обращения: «Товарищи! Граждане! Братья и сёстры! Бойцы нашей армии и флота! К вам обращаюсь я, друзья мои...»⁹²

Именно радио даёт каждому в те тяжкие первые дни войны ощущение родственной связи со всей страной, со всем народом. Тысячи писем приходят в радиокомитет со всех уголков СССР с просьбой передать привет родным и близким на фронт.

Эвакуированные просят назвать их новые адреса. Поначалу дикторы читают эти длинные списки фамилий адресатов и адресантов. Но вскоре рождается идея ежедневно выпускать передачу «Письма на фронт». 9 июля она выходит впервые и вызывает поток ответных писем от фронтовиков⁹³. С 11 августа в эфире – передача «Письма с фронта»⁹⁴. Ежедневно звучат шесть передач, связывающих фронт и тыл. За войну их было около 9000. Более 30 000 человек благодаря помощи радио нашли своих родных и близких.

Но многие передачи довоенного времени приходится временно закрыть или сократить время их вещания. 24 июля 1941 г. Приказ Председателя ВРК при СНК СССР извещает: «В связи с сокращением объёма работ ликвидировать с 25 июля отдел детского радиовещания, организовать в составе литературно-музыкального отдела группу детского вещания»⁹⁵.

...Осень 1941 г. Враг на подступах к столице. Тревога царит в душах людей на фронте и в тылу. Но... Неожиданное, на первый взгляд, воспоминание, связанное с ролью радио в жизни фронта и тыла, – в мемуарах знаменитой метростроевки, депутата Московского совета Татьяны Викторовны Фёдоровой: «...я сдавала воздвигнутые метростроевцами оборонительные сооружения молоденькому военпреду. После соблюдения всех формальностей, когда документы были подписаны, он сказал: «Вы знаете, товарищ Фёдорова, сегодня наш радист слушал, как всегда, московские «Последние известия». А потом стали передавать объявления, что в городе открылись мастерские по починке примусов, обуви... Вот здорово, правда?» ... я не поняла, что так обрадовало фронтовика. Однако иногда самая незначительная мелочь приобретает глубокий смысл... Моей приятельнице – радиожурналистке, ветерану «Последних известий» было поручено составлять сначала пяти, а потом десятиминутные объявления о всякого рода починочных мастерских, о покупке и продаже тары магазинами.

Причём было сказано, что делать это нужно не формально, а с душой. Она возмутилась: её, квалифицированного работника, занимающегося многие годы литературой, хотят использовать на составлении каких-то объявлений... Прошла одна передача, вторая, третья... и с фронтов пошли письма. Сначала десятки, потом сотни. Содержание их было примерно одинаковым: «Спасибо, товарищи радиоработники, за нечаянную радость. «Фриц» прёт на Москву, а вы там так мобилизовали население, что оно не только строит окопы и противотанковые рвы, но и живёт нормальной жизнью: починает хозяйственную утварь, ходит в театр (в этих объявлениях потом сообщалось о предстоящих концертах и спектаклях)». Были и совсем короткие письма-треугольники: «Привет крепкому тылу!»⁹⁶

Радиожурналисты той поры не понаслышке знали, что такое «быть на казарменном положении» – на него переводились целые предприятия и учреждения, рабочий цикл которых требовал постоянного присутствия сотрудников на своих рабочих местах. Некоторые месяцами не бывали дома. И здесь, на рабочих местах, приходилось по-своему обустраивать быт. Интересный факт о «заэфирной» жизни сотрудников радио приводит Т.В. Фёдорова: «Я припоминаю суп, которым меня угостили в редакции «Последних известий»... природу которого установить не удалось, потому что в нём были и овощи, и крупа, и, как оказалось, вперемежку мяс-

⁹² Правда. 1941. 3 июля.

⁹³ Глейзер М. Радио и телевидение в СССР 1917–1963 (даты и факты) М., 1965. С. 89.

⁹⁴ Глейзер М. Радио и телевидение в СССР 1917–1963 (даты и факты) М., 1965. С. 89.

⁹⁵ История советской радиожурналистики. Документы, тексты, воспоминания (1917–1945). М., 1991. С. 71.

⁹⁶ Фёдорова Т.В. Наверху – Москва. М., 1981. С. 161.

ные и рыбные консервы... Оказывается, с утра дежурный по выпуску ставит на электроплитку большой бак (для кипячения белья) и заливает его водой. В него закладываются те продукты, что есть в наличии. Крупа, картофель... Словом, всё, что каждый «отоварил на карточку». В середине дня с фронта возвращаются немногие оставшиеся в Москве корреспонденты (фронт был рядом) и привозят, кроме фронтовых материалов, ещё и фронтовые подарки: кто банку консервов, кто кочан капусты (откопал из-под снега), кто чёрные солдатские сухари. Словом, с миру по нитке... а к последнему, ночному выпуску по коридорам ДЗЗ (Дома звукозаписи), что на Малой Никитской, где в большой комнате размещалась редакция, разносился аромат «радиосупа». Дружная радиосемья садилась за стол, и начиналось пиршество»⁹⁷.

«Говорит Ленинград!» Огромные трудности преодолеваются в связи с эвакуацией многих радиовещательных станций с западных районов в восточные. Демонтаж одной из станций блокадного Ленинграда проходит под интенсивным артобстрелом. Но оставшаяся радиостанция продолжает вещание все дни героической обороны города.

Первая передача из окружённого врагами, постоянно обстреливаемого Ленинграда прорывается в эфир 6 сентября 1941 г.⁹⁸ С того дня страна слушает голоса не только известных ленинградцев – деятелей культуры, но и рядовых защитников непокорного города. Так, 14 октября 1941 г. герои-балтийцы обращаются к своим братьям – черноморским морякам со словами дружеской поддержки⁹⁹. Эфир передачи от 19 октября начинается словами: «Внимание! Слушай, Москва! Слушай, столица! К тебе обращается участник сражения на подступах к городу Ленина, комсомолец Н-ской части тов. Дарьин...»¹⁰⁰ А в канун 1942 г. газета «Вечерняя Москва» сообщает: «Когда радио возвестит о наступлении 1942 года, в эфире зазвучат голоса советских писателей. В ночь под новый год тысячи радиослушателей будут присутствовать на переключке поэтов, прозаиков и драматургов Москвы и Ленинграда. Первое слово получают писатели столицы. Они передадут новогодний привет своим братьям из героического города Ленина. А. Новиков-Прибой, А. Сурков, П. Антокольский. С. Кирсанов. С. Щипачёв, директор клуба писателей Н. Соболевский и другие расскажут, как писатели Москвы продолжают творческую деятельность, стремясь в своих произведениях отобразить героизм наших великих дней. От имени ленинградских писателей выступят Вс. Вишневский, Н. Тихонов. С. Марвич и другие. Переключка закончится чтением новых произведений писателей Москвы и Ленинграда»¹⁰¹.

Сотрудники Ленинградского радио, коллектив которого в годы войны пополнили многие профессиональные писатели, поэты, журналисты, находят интересную форму передачи, названную ими «Радиоохроникой». Это своеобразный общественно-политический и художественный устный журнал, в котором важнейшая информация с фронтов перемежается чтением художественных произведений как военно-патриотического, так и сатирического жанров, у микрофона в прямом эфире выступают люди известные и рядовые, но все они – ленинградцы, а в дни блокады это почти всегда означает – герои.

Первый выпуск «Радиоохроники» выходит в эфир 1 июля 1941 г., и сами создатели в нескольких первых фразах обрисовывают свою творческую идею так: «Товарищи радиослушатели! С сегодняшнего дня мы начинаем ежедневно выпускать передачи, которые мы назвали «Радиоохроника». В выпуски нашей «Радиоохроники» будут входить статьи, рассказы, песни, стихотворения, фельетоны. Нужно бить заклятого врага не только оружием Красной Армии,

⁹⁷ Фёдорова Т.В. Наверху – Москва. М., 1981. С. 162.

⁹⁸ Правда. 1941. 7 сентября.

⁹⁹ Правда. 1941. 14 октября.

¹⁰⁰ Правда. 1941. 19 октября.

¹⁰¹ Вечерняя Москва. 1941. 31 декабря.

но и словом, так, чтобы вся мерзость, вся подлость и всё коварство фашизма были беспощадно обнажены»¹⁰².

Свои выходы в эфир остаются за программами редакций политвещания, детской и музыкальной. «Последние известия», «Красноармейская газета по радио», «Юный патриот» и другие передачи звучат в ленинградских квартирах и из 1500 уличных громкоговорителей.

Немногие оставшиеся в блокадном городе драматические артисты входят в состав радиотеатра, вскоре почти официально получившего наименование «Блокадный».

Русскую классику и произведения советских писателей на Ленинградском радио читают: В. Лебедев, Н. Чернявская, А. Янкевский, В. Ярмагаев и другие. Блокадница, народная артистка СССР Вера Аркадьевна Мичурина-Самойлова рассказывает: «Я воспринимаю радио как открытый огромный мировой театр без стен. Война по-новому раскрыла возможности радио, и на это время самым близким для меня видом искусства стал «Театр у микрофона». Война сблизила меня с радио потому, что моя жизнь всецело была соединена с армией, фронтом, и, выступая у микрофона, я беседовала с теми, кто в этот момент охранял подступы к моему родному городу. Я представляла себе бойцов, слушавших в этот момент моё выступление, я ощущала себя рядом с ними»¹⁰³.

...В Ленинграде в дни блокады возобновляет работу Театр музыкальной комедии, его солистов часто приглашают на радио, которое слушает вся страна и даже мир. Пятую симфонию П.И. Чайковского в исполнении симфонического оркестра Ленинградского радио транслируют на Великобританию и США. Питерских музыкантов слушают даже во вражеских окопах. Радиокомитет располагает не только своим симфоническим оркестром, но и хором, оркестром народных инструментов, оперным ансамблем и джазом.

Был период, когда весёлая музыка почти ушла из внутренней сети радиовещания на город и не звучала даже в детских передачах. Посчитали, что неуместна она в трагических условиях блокадного бытия. Но многочисленные письма радиослушателей, находящихся в хорошей музыке силы к жизни, заставляют отменить это решение.

«**Ленинградский метроном**». В историю войны великим и ужасным символом блокады входит тягостный, кажется, стучащий где-то в мозгах «ленинградский метроном». Бесконечный отсчёт этого простого прибора, отмечающего короткие промежутки времени равномерными ударами, хорошо известный музыкантам как точный ориентир темпа при исполнении музыкального произведения, транслируется во время налётов через ленинградскую радиосеть. Быстрый ритм означает объявление воздушной тревоги, медленный ритм – отбой.

Ленинградские поэты не раз вспоминают его в блокадных стихах. «Был день как день. / Ко мне пришла подруга, / Не плача, рассказала, что вчера единственного схоронила друга, / И мы молчали с нею до утра. / Какие ж я могла найти слова? / Я тоже – ленинградская вдова. / Мы съели хлеб, что был отложен на день, / В один платок закутались вдвоём, / И тихо-тихо стало в Ленинграде, / Один, стуча, трудился метроном»¹⁰⁴, – писала в 1942 г. поэтесса Ольга Фёдоровна Берггольц, ставшая в дни блокады «голосом» героического города.

Критик А.И. Павловский, биограф Ольги Берггольц заметил: «...разве не достойно удивления хотя бы уже одно то, что голос великого солдата, каким был в ту пору Ленинград, принадлежал женщине... взявшей на себя такую нелёгкую, такую, казалось бы, сугубо «мужскую» роль воина-певца»¹⁰⁵. И хочется добавить из дня сегодняшнего: разве не удивительно, что голос этот принадлежал женщине с немецкими корнями (предки Берггольц были из прибалтийских немцев)? Найдя особую, доверительную интонацию в своём творчестве, поэтесса обращается

¹⁰² Литературный Ленинград в дни блокады. Л., 1973. С. 170.

¹⁰³ Мичурина-Самойлова В.А. Шестьдесят лет в искусстве. Л., 1946. С. 168.

¹⁰⁴ Берггольц О.Ф. Февральский дневник // Стихи о Великой Отечественной. Мурманск, 1974. С. 104.

¹⁰⁵ Павловский А.И. Стих и сердце. Л., 1962. С. 34.

к каждому жителю и защитнику города как к самому родному и близкому человеку и имеет на это право, потому что сама – одна из них: «Мы защищаем город наш любимый, / Все испытанья поровну деля, / Клянусь тебе, что мы непобедимы, / За нами наша русская земля!»¹⁰⁶

О.Ф. Берггольц вспоминала в книге «Говорит Ленинград»: «... оказывалось, что у ослабевшего, полуумирающего ленинградца существует только одна форма связи с внешним миром, это – «тарелка» радио. Отсюда, из этого чёрного круга на стене, доходили до человека людские голоса, – значит, он ещё не один, значит, где-то за стенками его дома живут люди, живёт город, страна, они борются, они сопротивляются... В великом сопротивлении Ленинграда, которое требовало, прежде всего, единения коллектива, ленинградское радио сыграло роль огромнейшую»¹⁰⁷.

«Детский мир» в блокаде. Особенную психологию блокадников надо тонко учитывать во всём. Так, например, одно время были прекращены детские передачи, ведь ленинградская малышня с рёвом рвётся обратно в город с эвакуационных пунктов, считая, что раз к ним таким родным и знакомым, «мальчишеским» голосом обращается артистка Мария Петрова, значит, там, дома, всё по-прежнему и совсем не страшно. Меж тем реалии блокады изменяют и жизнь самой любимицы детей, она – политрук обороны Дома радио. Не только волшебные сказки рассказывает актриса своим слушателям, но и истории из их же жизни – о маленьких ленинградцах, дежурящих на крышах домов во время бомбёжек, с риском для жизни возящих воду с Невы, сражающихся в партизанах и отслеживающих диверсантов. А ещё политрук М. Петрова читает сводки, фронтовые корреспонденции, стихи, русскую классику¹⁰⁸.

Когда в прессе проходит сообщение о том, что в оккупированной Голландии фашисты конфискуют пластинки с произведениями русских композиторов – П.И. Чайковского, А.С. Даргомыжского, М.И. Глинки, хорошо известный советской ребятне детскими стихами Самуил Яковлевич Маршак пишет для «Окон ТАСС» разящие стихи-частушки: «Грозный немец-генерал / В Амстердаме приказал / Запретить под страхом смерти / Петь Чайковского в концерте». Эти строчки воспроизводятся 26 октября 1942 г. в передаче для детей с боевым названием «На штыке», в которой ребятам рассказывают об этих особых «окнах», из которых «бьют, разят огненным словом фашистских выродков... хорошие снайперы...»

26 декабря 1943 г. корреспондент Ленинградского радио Лазарь Маргачёв рассказывает детям всей страны о вручении медалей «За оборону Ленинграда» большой группе школьников Выборгской стороны. А 22 февраля 1944 г. в радиопередаче «Угадай-ка!» ребятам предлагают задуматься над вопросом: кем ты хочешь быть? И рассказывают о военных профессиях танкистов, кавалеристов, снайперов, связистов, разведчиков... 17 апреля передача «Пионерская зорька» оповещает о прибытии под Москву в детский дом на ст. Чкаловская советских детей, освобождённых Красной Армией из страшных фашистских концлагерей.

6 января 1945 г. и детям, и взрослым во всех уголках страны предлагается участвовать в радиоэкскурсии по театральным залам столицы, представить себя в Большом театре, МХАТе, в Большом зале Консерватории, в студии Всесоюзного радиокомитета, а начинается репортаж с оперы Бородина «Князь Игорь», которая идёт в Москве в этот день.

«Собирайтесь в дружины, славяне!» Особенно востребованными на радио становятся трансляции с митингов, собраний, концертов. Важное значение в радиопропаганде военных лет занимают антифашистские митинги, разоблачающие человеконенавистническую идеологию нацизма.

¹⁰⁶ Литературный Ленинград в дни блокады. Л., 1973. С. 189.

¹⁰⁷ Берггольц О.Ф. Соч. В 2 т. Т. 2. М., 1958. С. 155–156.

¹⁰⁸ Осинский В.Г., Васильева Т.В., Ковтун В.Г. «Нигде не значило радио так много, как в нашем городе во время войны» [Электронный ресурс] // Санкт-Петербургский университет, № 11(3836), 2011. – URL: <http://journal.spbu/p=4647> (дата обращения: 11.04.2019).

Целых два дня – 10–11 августа 1941 г. в студии Радиокomiteта проходит Всеславянский радиомитинг. Занимается его подготовкой писатель Александр Александрович Фадеев, собрав блистательную плеяду деятелей науки и культуры, представляющих все славянские народы. Участвуют в митинге и немецкие антифашисты¹⁰⁹. Писатель Алексей Николаевич Толстой от лица русского народа, предупреждает: «Смирненных, как жучков, поджавших лапки, раздавит фашистский сапог... Славяне! Мы объединимся для борьбы и победы»¹¹⁰. Могучим и возвышенным языком поэзии говорит со славянскими братьями поэт из Черногории Радуле Стийенский: «... Собирайтесь в дружины, славяне / Братья, следуйте примеру русских, / Бьющих богатырским буздованом (булавой. – О.Ж.) / Зверя панцирного наотмашь»¹¹¹.

Выступления участников антифашистского Всеславянского съезда и радиомитинга передаются на весь Советский Союз и за его пределы, подробный отчёт публикует газета «Правда». Отзываясь на радиопризыв к мировому славянству, партизан-коммунист из Словении Эдуард Кардель отмечает, что Всеславянский съезд в Москве не только важное историческое событие, но и означает оно «переоценку роли, которую до сих пор играла идея славянского единства»¹¹².

12 октября 1941 г. радиомитинг советских учёных принимает обращение «К учёным всего мира», и зарубежные коллеги отвечают множеством телеграмм и писем, в которых выражают поддержку борьбе СССР против фашизма, предлагают посильную помощь.

Значимыми и знаковыми, говоря современным языком, стали строки величайшей песни «Священная война». Ещё 24 июня стихи поэта Василия Ивановича Лебедева-Кумача печатаются одновременно в «Известиях» и в «Красной звезде», в тот же день воодушевляют художественного руководителя Ансамбля песни и пляски Красной Армии и бывшего регента храма Христа Спасителя Александра Васильевича Александрова на маршевую, мобилизующую музыку. 26 июня песня исполняется оркестром на площади Белорусского вокзала, провожая первые воинские эшелоны на фронт. Но только 15 сентября 1941 г. после записи песни идёт в эфир, и звучит ежедневно по утрам – после боя кремлёвских курантов, призывая к «ярости благородной».

В Радиокomiteт все годы войны регулярно поступают корреспонденции из действующей армии, от штатных и нештатных радиокорреспондентов: В. Ардаматского, Е. Барского, П. Майзлиной, Г. Ниловой, М. Платова, В. Синявского, А. Фетисова и многих других. По Положению о военных корреспондентах, принятому в 1942 г. ЦК ВКП(б) и Главным политическим управлением Красной Армии, Всесоюзный радиокomiteт, наравне с Совинформбюро, ТАСС, газетами «Правда», «Известия», «Комсомольская правда», «Красной звездой», «Сталинским соколом» и «Красным флотом», получает право иметь своих военкоров на фронте¹¹³.

В прямом эфире выступают известные стране поэты и писатели – А. Сурков, И. Эренбург, К. Симонов, Л. Соболев, А. Новиков-Прибой, С. Маршак, М. Шагинян, звучат острые памфлеты-фельетоны В. Дыховичного и Л. Ленча. Из блокадного Ленинграда доносятся голоса Вс. Вишневского, О. Берггольц и других. Мастер художественного слова Д. Орлов читает с продолжением роман Л.Н. Толстого «Война и мир», полюбившуюся народу поэму А. Твардовского «Василий Тёркин». Мастера сцены ведут цикл передач «Московские театры – фронту». Транслируются спектакли, звучат отрывки из опер, героические и лирические песни, романсы, арии в исполнении любимых артистов Н. Обуховой, И. Козловского, С. Лемешева, И. Юрьевой, Л. Руслановой, К. Шульженко, Л. Утёсова, подтверждая слова популярной песни: «Кто сказал, что петь не надо песен на войне? После боя сердце просит музыки вдвойне».

¹⁰⁹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 35. Л. 40.

¹¹⁰ Красный воин. 1941. 12 августа.

¹¹¹ Правда. 1941. 11 августа.

¹¹² ГАРФ. Ф. Р-6646. Оп. 1. Д. 31. Л. 16.

¹¹³ О партийной и советской печати, радиовещании и телевидении: сборник документов и материалов. М., 1972. С. 214–216.

5 марта 1942 г. состоялось первое открытое исполнение Седьмой симфонии Д.Д. Шостаковича в исполнении Государственного академического оркестра Большого театра СССР, дирижёр – С.А. Самосуд. Трансляция идёт из Куйбышева (теперь – Самара), куда временно эвакуирована часть редакций радио. Концерт транслируется всеми радиостанциями Советского Союза и за границу¹¹⁴.

С 5 апреля 1942 г. радиослушатели вновь слушают симфонические концерты из Ленинградской филармонии. В сборный состав трагически редющего симфонического оркестра входят артисты академических театров, филармонии и радиокомитета. Дирижирует К.И. Элиасберг¹¹⁵.

...Советское радио вещает не только на русском языке, но и на большинстве языков народов СССР, на языках многих народов мира. По его передачам складывается мнение о ходе войны, обо всей стране, обо всём народе. Особую роль в этой связи выполняют редакции, вещающие на зарубежные страны. Уже к концу 1941 г. программы ведутся на 21 языке мира, на вражеские и нейтральные страны. Их общий объём составляет 51 час в сутки. Многие иностранные общественные деятели выступают у микрофона комментаторами и обозревателями. Письма, приходящие в годы войны в Москву от зарубежных слушателей, свидетельствуют, что советские радиопередачи способствуют росту движения Сопротивления в оккупированных фашистами странах; особенно полезной оказывается информация о разгоревшейся в тылу врага партизанской войне.

Голос Большой земли слышат в партизанских краях. 1 июня 1942 г. в эфире слышатся позывные новой передачи: «Братья и сёстры по ту сторону фронта, в тылу немецко-фашистских войск, временно подпавшие под иго угнетателей! Народные мстители – партизаны и партизанки, ведущие героическую борьбу против оккупантов! Слушайте нас ежедневно!» Сами названия передач для партизан звучат призывами: «Проклятие и смерть оккупантам!», «Никакой пощады предателям!», «Поднимем ещё выше знамя всенародной партизанской войны!»

Рубрика «Советы партизанам» отвечает на важнейшие для них вопросы: «Как уничтожать транспортные средства», «Сбивать фашистские самолеты любым оружием пехотинца». «Советы партизанам» объясняют, что такое «Искусство маскировки» и «Противотанковое ружье Симонова», как правильно организовать засады, нападения на населённый пункт, как выходить из боя, как уничтожить снайпера.

Передачи для партизанских краёв состоят из обзоров центральных газет, информации о борьбе «народных мстителей». Понимая, как тоскуют партизаны по обычной мирной жизни, редакция включает в передачи концерты, а с начала 1943 г. – зачитывает письма от родных и товарищей.

Рубрики «Хроника советской жизни» и «Героические будни советского тыла» повествуют обо всех сферах жизни Большой земли – промышленности, сельском хозяйстве, науке и культуре. Новости из советского тыла, сводки Совинформбюро размножаются в партизанских отрядах, при возможности – типографским способом или просто многократно переписываются от руки, в качестве листовок разносятся по оккупированным деревням и сёлам, извещая людей о реальном положении дел в стране, развенчивая фашистскую пропаганду, изощённо сеящую упаднические настроения среди местного населения.

Обо всём расскажет радио. 25 ноября 1942 г. на Центральном радио создаётся выездная редакция «Говорит фронт»¹¹⁶. Названия передач меняются с изменением дислокации

¹¹⁴ Правда. 1942. 6 марта.

¹¹⁵ 900 героических дней: Сборник документов и материалов о героической борьбе трудящихся Ленинграда в 1941–1944 гг. М. – Л., 1966. С. 271.

¹¹⁶ Глейзер М. Радио и телевидение в СССР: Даты и факты (1917–1986). М., 1989. С. 92.

редакции: «Говорит Западный фронт», «Говорит Ленинградский фронт», «Говорит Военно-Морской флот»... Страна слышит репортажи радиожурналистов с боевых позиций, живые голоса самих героев-фронтовиков. Звучит клятва гвардейцев танковой бригады полковника, впоследствии – маршала М.Е. Катукова, выступления видных военачальников – Г.К. Жукова, К.К. Рокоссовского, К.А. Мерецкова, А.М. Василевского и др.

5 августа 1943 г., в результате победоносной Курской битвы освобождены города Орёл и Белгород, в Москве впервые гремит праздничный салют. С этого дня приказы Главнокомандующего о проведении салюта в честь освобождения наших городов от оккупации читает легендарный диктор Юрий Борисович Левитан. По окончании чтения в эфир транслируются раскаты салюта, которые со слезами радости слушает вся страна.

3 октября 1943 г. в Москве, в Колонном зале Дома Союзов проходит грандиозный концерт Большого симфонического оркестра Всесоюзного радио под управлением дирижёра, композитора и пианиста Н.С. Голованова¹¹⁷. Этому творческому коллективу предстоит прославить себя высоким профессионализмом и талантом исполнителей, долгие годы оставаться одним из лучших и востребованных оркестров СССР.

1 января нового 1944 г. по радио впервые исполняется новый гимн Советского Союза, сменивший «Интернационал». Авторы текста С.В. Михалков и Г.Г. Эль-Регистан, музыка А.А. Александрова. Слова: «Союз нерушимый республик свободных...» знаменуют выдержавшую испытания войной дружбу народов СССР.

...С первых дней войны кардинальной перестройке подвергается местное радиовещание областей, краёв и республик. Партийное руководство требует перевода на национальные языки народов СССР до 50 % политического вещания.

Отделы пропаганды и «Последних известий» объединяются в отделы политической агитации. Основное место в эфире занимают новости с фронтов, но огромное внимание уделяется передаче в эфир информации местного значения – с заводов, фабрик, колхозов. Местные руководители рассказывают о первоочередных задачах, к народу обращаются представители общественности, деятели культуры и искусства, знатные труженики, передовики производства. Читаются стихи и проза русских и национальных писателей, звучит классическая, советская и национальная музыка. В 1943 г. выходит Постановление ЦК ВКП(б) «О районном местном радиовещании». Получает развитие так называемое низовое радиовещание, организованное местными районными радиоузлами, радиоузлами предприятий и колхозов.

О разнообразии тем и программ местного радио периода войны можно судить по фрагменту сетки вещания радио Бурятии за один из дней 1942 г. Помимо местных передач, оно транслирует Иркутск, Читу и Москву. В эфире: утренняя гимнастика, последние известия, концерты, молодёжный канал, общественно-политическая программа, передача по сельскому хозяйству, сообщение Совинформбюро на бурятском языке¹¹⁸.

...15 февраля 1945 г. Радиокomitee переживает большое событие – восстановлена в эфире вторая программа. Всё больше времени отводится материалам о трудовых успехах областей, краёв, республик, культурной жизни страны.

Корреспонденту Ленинградского радио Л.Е. Маграчёву 2 мая 1945 г. выпадает честь сообщить из Берлина об овладении нашими войсками вражеской столицей, о развевающемся красном знамени над Рейхстагом. А 8 мая Лазарь Маграчёв ведёт репортаж из здания сапёрного училища в Карлсхорсте, где советское командование во главе с маршалом Г.К. Жуковым, представители стран антигитлеровской коалиции и командование германской армии, которую

¹¹⁷ Правда. 1943. 4 октября.

¹¹⁸ См.: Шагдарова Б.Б. Радиовещание Бурятии в годы Великой Отечественной войны // Новый исторический вестник 2010. № 26 (4).

представляет генерал-фельдмаршал Вильгельм Кейтель, подписывают «Акт о безоговорочной капитуляции Германии»¹¹⁹.

День радио и новый Радио-дом. Огромная мобилизующая и вдохновляющая роль радио в дни войны констатируется Постановлением СНК СССР от 2 мая 1945 г. «Об ознаменовании 50-летия со дня изобретения радио А.С. Поповым». 7 мая 1945 г. впервые отмечается День радио¹²⁰. В Большом театре проходит торжественное заседание, на котором с докладами о значении радиовещания выступают академик Б.А. Введенский и член-корреспондент АН СССР, инженер вице-адмирал А.И. Берг¹²¹.

9 мая 1945 г. от имени партии и правительства по радио выступает И.В. Сталин с обращением к народу. В этот торжественный исторический день в 22 часа все радиостанции страны транслируют салют в Москве в честь Великой Победы.

24 июня с Красной площади идёт прямая трансляция репортажа о параде Победы. У микрофона выступают прославленные люди страны – Герои Советского Союза, деятели науки и литературы, мастера сцены, зарубежные общественные деятели.

...Но ещё 5 марта 1945 г., когда наши войска ведут освободительные бои в Европе, председатель Комитета по радиофикации и радиовещанию при СНК СССР А. Пузин пишет секретарям ВКП(б) Г.М. Маленкову и А.А. Жданову, ссылаясь на Постановление ЦК ВКП(б), о том, что: «Серьёзно решить вопрос о материально-технической базе центрального радиовещания можно путём строительства в Москве специального Радио-дома. В 1944 году СНК СССР разрешил Радиокomiteту приступить к проектированию Московского Радио-дома. В настоящее время Радиокomiteтом разработано техническое задание на архитектурно-строительное проектирование... В связи с этим, Всесоюзный Радиокomiteт просит рассмотреть вопрос о строительстве Радио-дома»¹²².

В недрах Комитета по радиофикации и радиовещанию при СНК СССР готовится проект Постановления СНК СССР «О фабрике звукозаписи Всесоюзного Радиокomiteта», по которому предлагается: «Разрешить Всесоюзному Радиокomiteту надстроить и переоборудовать переданное ему помещение на ул. Фридриха Энгельса д. № 38 для цехов и студий фабрики звукозаписи, а также достроить фильмохранилище в г. Реутово»¹²³. За обсуждением масштабного проекта не забываются и люди – предусматриваются особые условия для специалистов новой профессии: «Разрешить Комитету по радиофикации и радиовещанию при СНК СССР установить для ведущих специалистов Управления по строительству Радио-дома пять персональных окладов по 3000 рублей в месяц и пять персональных окладов по 2000 рублей в месяц... Предложить Наркомторгу СССР выделить Комитету по радиофикации и радиовещанию при СНК СССР для основных работников Управления по строительству Радио-дома 5 продовольственных лимитных книжек и 8 литературных продовольственных карточек и абонементов на сухой паёк»¹²⁴.

Рождение советского телевидения. И впервые появляется в документах слово «телевидение». Председатель Комитета по радиофикации и радиовещанию при СНК СССР напоминает ЦК ВКП(б): «До войны были построены два телевизионных центра (передатчики, аппаратурные и студии) в Москве и Ленинграде, через которые проводились опытные радиопередачи. Во время войны все работы в области телевизионного вещания были прекращены. Всесоюзный

¹¹⁹ Магачёв Л.Е. Сюжеты, сочинённые жизнью. М., 1972. С. 47–53.

¹²⁰ СП СССР. 1945. № 3. С. 47.

¹²¹ Известия. 1945. 8 мая.

¹²² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 374. Л. 13.

¹²³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 374. Л. 34.

¹²⁴ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 374. Л. 34.

Радиокомитет считает необходимым в текущем году приступить к подготовке телевизионного вещания в СССР»¹²⁵.

А проект Постановления СНК СССР «О восстановлении Московского телевизионного центра», невзирая на экономические трудности, обязывает: «Комитет по стандартам при СНК СССР... в месячный срок утвердить новый стандарт на основные параметры техники телевизионного вещания... Наркомат электропромышленности /т. Кабанова/... провести необходимые работы по реконструкции Московского Телецентра... К 1 октября 1945 года разработать образцы телевизионных приёмников и приёмных установок для клубов и поставить Комитету по радиофикации и радиовещанию к 1 января 1946 г. первую партию приёмных устройств в количестве: приёмников – 50 штук и клубных установок – 10 штук... Наркомату внешней торговли СССР /тов. Крутикову/ закупить в США для Комитета по радиофикации и радиовещанию телевизионную аппаратуру и материалы на сумму 287 тысяч долларов... Наркомат строительства СССР – не позднее февраля 1946 г. произвести строительные и ремонтные работы по Московскому телецентру... Госплан СССР – выделить необходимые материалы для восстановления Московского Телецентра... Возвратить на работу в Телевизионный центр из армии и других учреждений специалистов, согласно прилагаемого списка... Организовать в системе Комитета по радиофикации и радиовещанию при СНК СССР Главное Управление по телевидению»¹²⁶.

Так в победном 1945 г. открывалась новая страница в истории советских средств массовой информации – страница телевизионной журналистики...

¹²⁵ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 374. Л. 13.

¹²⁶ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 374. Л. 40.

Газета и журнал – не только пропаганда

Все долгие годы войны важным и востребованным источником информации у сражающихся на фронтах и трудящихся в тылу остаётся пресса – газеты и журналы. В воскресное утро 22 июня 1941 г. газеты, отпечатанные в ночь с 21 на 22 июня, выходят ещё с новостями о мирной жизни, мгновенно устаревшими, ставшими безвозвратным прошлым. Неизбежное, в силу технологических причин, отставание на день-два от радио ставит прессу на второе место, но лишь по оперативности сообщений.

Только газета, переходя из рук в руки, даёт возможность прочесть-перечитать тексты, поразмыслить над передовой статьёй, сводкой Совинформбюро, Постановлением или Указом Правительства, Приказом Верховного Главнокомандующего. Позволяет умом и сердцем прочувствовать события репортажа, сопереживать судьбам героев очерков, мыслям автора публицистической статьи, памфлета, стихотворения. И только журнал, благодаря большому печатному объёму, вмещает под одной обложкой более подробные, развёрнутые документальные рассказы о событиях, художественные произведения об идущей войне и об историческом прошлом страны, а значит, даёт читателю пищу для глубоких, серьёзных раздумий над прочитанным.

Газетчики – широкое понятие. Газета и журнал всегда рождаются в творческом содружестве журналистов, художников, а в годы войны, ещё и – писателей, поэтов. Так, например, фронтовая редакция «Красного черноморца» в Севастополе объединила откомандированных из столицы «братьев-писателей», журналистов, художников, призванных создавать историческую летопись героического сопротивления крымчан врагу. Не готовыми к суровым военным будням «глубоко штатскими людьми» показали они вначале главреду Мусьякову, про себя прозвавшему их «очкастыми»¹²⁷. Но вскоре выяснилось, что были они отчаянными смельчаками, казалось, более других в те суровые дни верившими в грядущую нашу Победу. Писатели: Пётр Гаврилов (автор чудесной повести для детей «Егорка» – про медвежонка, подружившегося с моряками), Василий Ряховский (автор исторических романов «Родная сторона» и «Евпатий Коловрат»), Игнат Ивич (автор научно-популярных книг для детей) и Август Явич, который после войны создаст свою «Севастопольскую повесть». Поэт Лев Длигач, известный детскими стихами, и поэт-сатирик Ян Сашин. Художники Фёдор Решетников (будущий автор знаменитых картин «Опять двойка», «Прибыл на каникулы», «Достали языка!», «За мир!») и Леонид Сойфертис (автор ярких карикатур для журнала «Крокодил»)… Как видим, таланты этих людей в полной мере проявились в послевоенные годы, но именно фронтовой опыт стал важной вехой их творческого взросления и становления, научил работать, как теперь принято говорить, в команде, да проявлять небывалую стрессоустойчивость…

«Вытравить из души «конфетную» идеологию». Газетные сообщения первых дней войны о массированных бомбёжках спящих городов с мирными жителями демонстрируют начало реализации планов Гитлера на расширение «жизненного пространства» для германской нации за счёт истребления народов СССР. Вызывают массовый поток военнообязанных и добровольцев на призывные пункты. Призванными на культурный фронт идеологической информационно-войны считают себя многие журналисты, писатели, поэты. Перестройка средств массовой информации на военные рельсы проходит быстро и организованно.

Провидческие слова радиообращения В.М. Молотова от 22 июня, опубликованные всеми газетами страны: «Наше дело правое! Враг будет разбит, победа будет за нами!» – повторя-

¹²⁷ Мусьяков П.И. Севастопольские дни // Москва – Крым: Историко-публицистический альманах. Специальный выпуск: Крым в Великой Отечественной войне: дневники, воспоминания, исследования. Вып. 5. М., 2003. С. 19.

ются миллионами уст все годы войны, в самые трудные её периоды. Напечатанные 24 июня, на третий день нашествия в газетах «Красная звезда» и «Известия» стихи Василия Ивановича Лебедева-Кумача «Священная война» призывают весь народ в ярости благородной дать отпор врагу, которого он не встретил нигде в Европе, и обозначают сразу и навсегда в истории этот отпор войной народной и священной...

Статьи Ильи Григорьевича Эренбурга в «Красной звезде» 23 июня: «В первый день» и 26-го – «Гитлеровская орда», Алексея Николаевича Толстого в «Правде» 27 июня «Что мы защищаем» и другие публицистические выступления тех ошеломивших страну дней мобилизуют на сопротивление, вдохновляют на подвиги. «В русском человеке есть черта: в трудные минуты жизни, в тяжёлые годы легко отрешаться от всего привычного, чем жил изо дня в день. Был человек так себе, потребовали от него быть героем – герой...»¹²⁸ – делится своими размышлениями с читателем «Правды» А.Н. Толстой.

28 июня «Правда» в передовой статье разъясняет, что эта война «требует напряжения всех сил, железной выдержки, мужественного хладнокровия... нельзя тешить себя мыслями о лёгких победах»¹²⁹. Оговорка о «лёгких победах» – это признание крушения надежд, внушаемых довоенной советской пропагандой, на мощь антифашистских сил в Европе и в самой Германии, на классовую солидарность мирового пролетариата, на войну «малой кровью» и на чужой территории.

В «рецидивах» такого «шапкозакидательского» отношения к войне пытались разобраться, прежде всего, сами бойцы идеологического фронта. Поэт и журналист Алексей Сурков (автор знаменитой «Землянки») на открытом партийном собрании московских писателей летом 1942 г. сетует: «...до войны мы часто дезориентировали читателя насчёт характера будущих испытаний... Мы слишком «облегченно» изображали войну... Воюющему соотечественнику пришлось справляться не только с танками, которые на него лезли, с самолётами, которые валили на его голову тысячи тонн рваного железа, но и вытравливать из души конфетную «идеологию», которой мы его обкормили»¹³⁰. И всё же советское общество, от предков перенявшее дух единения перед общей бедой, преобразовавшее за короткий срок в 20 лет неграмотную на 80 %, крестьянскую страну в мощную индустриальную, научную и культурную державу, оказалось морально готовым к защите Отечества, к сплочённому сопротивлению, к тяготам войны до победы.

«Когда страна прикажет быть героем...» Не дать читателю впасть в отчаяние, искать на фронтах примеры стойкости и героизма – задачи, которые ставят перед собой военные журналисты.

...Донесение 207-го полка дальней бомбардировочной авиации об огненном таране капитана Николая Гастелло в день 26 июня 1941 г. под Минском получено с опозданием, и входит в вечернюю сводку Совинформбюро от 5 июля¹³¹. 10 июля в «Правде» П. Павленко и П. Крылов публикуют очерк о командире героического экипажа, бросившего запылавший ДБ-3 на цистерны с горючим для вражеских танков, приостановив их марш-бросок на Минск. 27 июля 1941 г. Указом ВС СССР капитану Гастелло присвоено звание Героя Советского Союза посмертно¹³².

Увы, не замеченным журналистами остаётся подвиг политрука 125-го танкового полка Александра Панкратова, описанный в полковом донесении от 24 августа 1941 г. Младший политрук закрыл своим телом стреляющую амбразуру дота, дав своим товарищам провести

¹²⁸ Правда. 1941. 27 июня.

¹²⁹ Правда. 1941. 28 июня.

¹³⁰ Сурков А.А. Голоса времени. М., 1965. С. 158–159.

¹³¹ Сообщения от Советского Информбюро. Т. 1. 1944. С. 28.

¹³² Герои Советского Союза. Т. 1. М., С. 315.

успешную атаку – под Новгородом. Лишь через полгода, 16 марта 1942 г., герой удостоивается Золотой Звезды¹³³. Подобный Панкратову подвиг самопожертвования «за други своя» стал широко известен стране лишь 19 июля 1943 г. – после Указа ВС СССР о награждении Золотой Звездой Героя посмертно рядового Александра Матросова и множества публикаций о нём¹³⁴.

О тысячах героев, свершающих подвиги на всём протяжении огромной линии фронта от Баренцева моря до Чёрного, физически не может узнать и рассказать читателю горстка фронтовых корреспондентов центральной прессы и ТАСС. Их было 250 человек – в 1941 г., а после нескольких штатных сокращений к 1 марта 1945 г. – всего 97 человек¹³⁵.

Имена героев, прославленные прессой, вписанные на скрижали истории, навсегда становятся символами самоотверженного героизма: Николай Гастелло, Виктор Талалихин, Зоя Космодемьянская, герои-«панфиловцы»... Хотя подвиг огненного тарана, подобно экипажу капитана Н. Гастелло, совершён более 500 раз¹³⁶, героев воздушного тарана – свыше 600¹³⁷, «матросовцев» – свыше 300¹³⁸. О том, что в тот же день, что и Зоя Космодемьянская, в подмосковном селе Головково была казнена стойко выдержавшая пытки фашистских палачей однополчанка Зои по в/ч 9903 Вера Волошина, стало известно лишь после войны¹³⁹. Сотни тысяч героических судеб заключаются в формулировках: «массовый подвиг» и «массовый героизм советского народа».

...20 июля 1941 г. в газете «Известия» опубликован репортаж военкора Константина Симонова, подкреплённый фотографиями фотокора П. Трошкина, с Буйничского поля под Могилёвом, где в ту пору идут тяжёлые оборонительные бои. Впервые на страницах советской прессы на фотоснимках показана разбитая, сожжённая вражеская техника – работа полка под командованием полковника Кутепова, истребившего за 14-часовой бой 39 танков! В тот день по всей стране столпившиеся у стендов газеты «Известия» люди по-настоящему ликуют.

Именно полковник Кутепов становится прообразом героя романа-трилогии «Живые и мёртвые» – генерала Серпилина, а сам автор, К. Симонов вспоминает, что в ответ на опасение журналистов – не окажется ли нашим бойцам отрезан путь к отступлению, если единственный деревянный мост, по которому полк может отойти за Днепр, будет разбомблён врагом, полковник спокойно сказал: «Мы так уж решили тут между собой: что бы там кругом ни было, кто бы там ни отступал, а мы стоим вот тут, у Могилёва, и будем стоять, пока живы...»¹⁴⁰ Такое вот живое свидетельство той правды о войне, которая предельно просто объясняет крах задуманного гитлеровскими генералами блицкрига – в стране оказалось достаточно героев, готовых к сопротивлению превосходящим силам противника.

Но реалии военного времени остро ставят вопрос и о личном мужестве советской творческой интеллигенции, о её моральном праве призывать миллионы людей к оружию. Краснофлотец, блокадник и драматург Всеволод Вишневский размышляет в дневнике 30 июля 1941 г. о писателях, журналистах, кинематографистах и артистах: «Некоторые из них работают отлично, но некоторые проповедуют воинские и прочие доблести, а сами трусят или стоят на грани трусости. Они учат «презирать смерть», но усиленно заботятся о своём здоровье и целостности своей жизни... Несогласованность поведения этих лиц и их писаний меня мучит, они обесценивают нашу литературу и искусство. Есть какой-то обман народа во всём этом... Пусть

¹³³ Герои Советского Союза. Т. 2. М., С. 230.

¹³⁴ Герои Советского Союза. Т. 2. М., С. 56.

¹³⁵ Попов Н.П. Горюхов Н.А. Советская военная печать в годы Великой Отечественной войны. М., 1981. С. 44.

¹³⁶ Жукова Л.Н. Выбираю таран. М., 2005. С. 387–392.

¹³⁷ Жукова Л.Н. Выбираю таран. М., 2005. С. 387–392.

¹³⁸ Бессмертное племя «матросовцев». М., 1990. С. 4.

¹³⁹ Фролов Г.Н., Фролова И.Г. Москвички-партизанки – героини Отечества. М., 2004. С. 112.

¹⁴⁰ Симонов К.М. Разные дни войны. Т. 1. М., 1981. С. 21.

какие-нибудь философы оправдают мне это «право» писателей сидеть вдали, в укрытиях, где тепло и сытно, и советовать другим идти умирать»¹⁴¹.

...Постановление ЦК ВКП(б) от 9 августа 1941 г. «О работе на фронте специальных корреспондентов» почти вторит выводам драматурга, отмечая «ряд существенных недостатков. Корреспонденты большую часть времени проводят при штабах фронтов и армий и очень мало бывают непосредственно в частях и соединениях...»¹⁴² Далее следует объяснение такому поведению военкоров: «Некоторые командиры и политработники не учитывают значения информации для населения о боевых действиях Красной Армии, и не только не оказывают содействия, но нередко противодействуют работе корреспондентов. Корреспонденты не получают необходимой помощи в передвижении по фронту и в деле связи со своими газетами. ЦК ВКП(б) постановляет: обязать ГПУ Красной Армии: 1) принять меры к немедленному исправлению указанных недостатков... 2) дать указания всем политорганам КА о всемерном содействии с их стороны работе военных корреспондентов»¹⁴³.

Но и через год какая-то часть военкоров предпочитает получать информацию в штабах, дублирующую ту, что отправляется оперативным отделом Генштаба в Совинформбюро и центральную прессу. В 1942 г. Управление пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) и Главное политическое управление КА разрабатывают Положение «О работе военных корреспондентов»¹⁴⁴, которым предписывается постоянно находиться непосредственно в частях и соединениях, неустанно работать над повышением своей военной подготовки, строгойше хранить военную тайну, стойко и мужественно переносить все трудности и лишения фронтовой жизни и быть готовым к участию в бою...

«Один раз увидеть...» Но таких, которые «жались поближе к военторгу и оперативному отделу... было мало, – будто комментирует «Положение» поэт и военкор Николай Грибачёв, – их высмеивали и выгоняли»¹⁴⁵. «Особенно мне запомнились неустрашимые фотокорреспонденты, – вспоминал после войны генерал армии, дважды Герой Советского Союза П.И. Батов. – Пренебрегая опасностью, ходили они в атаки с автоматом и фотоаппаратом»¹⁴⁶. И только благодаря такой неустрашимости их эмоциональные, динамичные и впечатляющие снимки доносят до читателей правду о войне: атаки, стрельбу пушек-полковушек по ползущим вдали танкам, летящие на вражеские позиции бомбы с нашего бомбардировщика, спасение раненых девушками-санитарками, краткий отдых бойцов между боями – с песней, с гармонью. Новый жанр – боевая фотопублицистика создаётся большой плеядой военных фотокоров – среди них А. Устинов, М. Савин, С. Лоскутов, М. Калашников, Б. Кудояров, Б. Вдовенко, Е. Халдей и многие другие. Среди профессионалов, прошедших войну с фотоаппаратом в руках, была и женщина – Ольга Ландер. Фото фронтового концерта, которое сама она считала лучшим своим снимком военного времени, – на обложке этой книги. Рождённые в войну газеты «Фронтальная иллюстрация» и «Фотогазета» сохраняют для истории множество героических и будничных мгновений войны.

И столь же важными для фронтовиков становятся фотоснимки жизни советского тыла, среди которых наряду с фото рабочих и работниц, стоящими у станков, колхозников, работающих на полях, попадают на страницы газет фотоэтюды, напоминающие о прекрасной мирной жизни, как реальное воплощение мечты о будущем. «Москва в эти дни» – так называется серия фотоснимков в «Вечерней Москве», показывающая книжные развалы на центральных

¹⁴¹ Вишневский В.В. Собрание сочинений. Т. 3. Дневники военных лет 1941–1942. М., 1956. С. 556.

¹⁴² КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 7. М., 1985. С. 232.

¹⁴³ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 7. М., 1985. С. 232.

¹⁴⁴ О партийной и советской печати, радиовещании и телевидении. Т. 7. М., 1985. С. 238.

¹⁴⁵ Грибачёв Н. Слово на линии огня // Журналисты на войне. М., 1966. С. 27.

¹⁴⁶ Батов П.И. В едином боевом строю // Журналисты на войне. М., 1966. С. 22.

улицах, довольные лица малышни на праздниках новогодней ёлки, покупателей в цветочных магазинах, фото с концертов, выставок, спектаклей...

Важная отличительная черта советской прессы военных лет – постоянное освещение культурной жизни страны. Информация о новостях театра, кино, всех жанров искусства, публикация рецензий на выходящие книги и кинофильмы, объявления на последней полосе газет: «Сегодня в кинотеатрах...», «Сегодня в театрах...», «Сегодня в цирке» даёт ощущение равно быющего пульса жизни необъятной страны, укрепляет веру в победу.

«Чуткое отношение к нуждам трудящихся» и эпистолярные романы... Прессу той поры отличает и чрезвычайно ответственное отношение к письмам не только с фронтов, но и из трудового тыла. Постановления партии и правительства требуют: «Ни одно письмо не должно оставаться без внимания, без принятия конкретных мер и без ответа. Газета должна быть образцом чуткого и ответственного отношения к нуждам трудящихся... проявлять самое нетерпимое отношение к людям, равнодушным к жалобам трудящихся»¹⁴⁷.

На страницах «Вечерней Москвы» публикуются письма с фронта, находящие горячее сочувствие в тылу, особенно среди молодых девушек... Елена Калмыкова, живущая в знаменитом и элитном, как теперь принято говорить, «Доме на набережной», по ул. Серафимовича, д. 2, пишет в Свердловск подружке Гале Рудзянской 29 декабря 1942 г.: «Галочка! Мы с Наташей ведём большую переписку с фронтовиками. И вот сегодня я получила письмо от одного лейтенанта... какие чудесные письма пишет он под грохот разрывающихся снарядов и под пулемётную стрельбу... Какая замечательная молодёжь воюет у нас на фронте, защищая нашу свободу. Его адрес мы узнали из «Вечерней Москвы», куда поместили их письмо с просьбой написать им... Но он не единственный, кому я пишу, я переписываюсь с пятью фронтовиками и получаю в этом большое удовлетворение. Если бы ты знала, как приятно бывает читать, что твои письма согревают их там, помогают бороться ещё настойчивее и упорнее»...¹⁴⁸ Неудивительно, что после эпистолярных «романов» с фронтовиками сокурсники кажутся Елене «ersatz-мальчиками»... Пожалуй, впервые в истории советской прессы, твердо помнящей о своей роли «партийного агитатора и пропагандиста», она решилась взять на себя и такую житейскую функцию – знакомить молодёжь, печатая, в некотором смысле, почти «брачные объявления», нередко завершающиеся созданием семьи.

«Не задерживай газету более часа!» Об огромном значении прессы в жизни людей на фронте, в советском тылу и на временно оккупированных территориях говорят поразительные факты. Фронтовики с боевых позиций требуют телеграммами: «Пришлите снарядов и газет»¹⁴⁹. В тылу свежую прессу читают в любой библиотеке или клубе, в «партийном кабинете» на предприятии, на селе – в избе-читальне. В соответствии с суровыми нормами военной жизни, подчас на «общественных» экземплярах газет стоит штамп-наказ, грозно предупреждающий: «Не задерживай газету более 1 часа».

Газеты переходят из рук в руки, берегаются, как величайшая ценность, таким образом, каждый номер могут прочесть сотни людей. Известен случай, когда жители оккупированных областей предложили партизанам корову за номер газеты «Правда». А общий тираж отправленных в немецкий тыл газет, выпусков «Вести с Советской Родины» и листовок перевалил за миллиард экземпляров¹⁵⁰.

...В Наркомат связи поступают сообщения о пропаже пачек газет на железных дорогах. Комиссии НКС выясняют, что из газет чаще всего пропадают «Правда» и «Красная звезда», из

¹⁴⁷ О партийной и советской печати, радиовещании и телевидении. Т. 7. М., 1985. С. 238.

¹⁴⁸ Личный архив автора.

¹⁴⁹ Бирюзов С. Летописцы великого подвига // Журналисты на войне. М., 1966. С. 16.

¹⁵⁰ Пономаренко П.К. Всенародная борьба в тылу немецко-фашистских захватчиков 1941–1945. М., 1986. С. 25.

журналов – «Огонёк» и «Крокодил»¹⁵¹. На чёрном рынке прессу можно обменять на продукты. Столь повышенный интерес к этим четырём изданиям объясняется их традиционной популярностью и публикацией с первых дней войны любимых в народе писателей, поэтов, журналистов, художников-карикатуристов...

«Бумажный голод». Но была у этих хищений и другая причина – в розничную продажу поступает прессы всё меньше и меньше, так как резко сокращаются тиражи газет и журналов. Сказывается хроническая нехватка бумаги даже для бытовых нужд. Насколько эта государственная проблема коснулась каждого жителя страны, говорит хотя бы тот факт, что Наркомат связи разрешает пересылать письма без конвертов – просто сложив их в треугольники. Многие личные послания той поры пишутся на каких-то бланках, оборотах обёрток, даже между строк старых писем, документов, счетов и газет.

О бумажном голоде читаем и в самих письмах, датированных даже 1943 г. Молодой боец Коля Журавлёв по дороге на фронт сообщает родителям в Москву, в Марьину Рошу 21 сентября 1943 г.: «... пишу вам письмо в г. Пензе, я еду на (вымарано военной цензурой – О.Ж.) фронт. Через Москву не еду... У меня нет бумаги, осталось два листа, писать придётся реже, вы не беспокойтесь, я вас предупреждаю. Еду на хороший участок фронта...»¹⁵²

Фронтовик Женя Орлов в письме от 12 декабря 1943 г. родителям на Валовую улицу в Москве обмолвился: «Я уже сообщал, что бумагу, которую высылал папа, я получил... Вот насчёт возобновления разговора о моей командировке за бумагой – это правильно. Я сегодня же дойду до командира и поговорю с ним ещё разок, может быть и что-нибудь выйдет!»¹⁵³

Острый дефицит газетной бумаги в 1941–1942 гг. грозит срывом выхода газет. Уже на седьмой день войны, 28 июня, начальник Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) Г.Ф. Александров в записке на имя секретаря ЦК ВКП(б) А.С. Щербакова, лишь несколько дней тому назад назначенного начальником Совинформбюро, сообщает тревожную новость: в издательстве «Правда» на 25 июня её осталось на 26 номеров, в «Известиях» – на 13. И хотя накануне вторжения создан государственный резерв бумаги, его хватит лишь на 60–78 дней. Предлагается в связи со столь критической ситуацией сократить ряд печатных органов¹⁵⁴.

С этого момента и до конца войны на заседаниях Политбюро ЦК ВКП(б) ежеквартально обсуждаются и утверждаются планы распределения газетной и писчей бумаги, пополнения государственного резерва и особого резерва Управления пропаганды и агитации. 28 августа 1941 г. заместитель председателя Госплана при СНК СССР С. Демидов пишет в ЦК записку под грифом «Совершенно секретно»: «О строительстве фабрик газетной бумаги в восточных районах», отмечая, что строящийся до войны Красноярский целлюлозно-бумажный комбинат «решением Государственного Комитета Обороны передан Наркомбоеприпасов для размещения эвакуированного порохового завода»¹⁵⁵, а «подготовленных исследованных площадок с энергетической базой для строительства в кратчайший срок фабрик газетной бумаги не имеется»¹⁵⁶. И все же «решением Центрального Комитета ВКП(б) и Совнаркома Союза ССР Наркомбумпром обязывается построить и ввести в действие в IV кв. 1942 г. в г. Чепце, Кировской области целлюлозно-бумажный комбинат мощностью 30 тыс. тонн сульфитной целлюлозы и 25 тыс. тонн газетной бумаги... Госплан считает целесообразным возложить строительство Чепецкого целлюлозно-бумажного комбината на ГУЛАГ НКВД. Осуществление этого строи-

¹⁵¹ Широкопад И.И. Центральная периодическая печать в годы Великой Отечественной войны 1941–1945. М., 2001. С. 103.

¹⁵² Личный архив автора.

¹⁵³ Личный архив автора.

¹⁵⁴ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 67. Л. 68–69.

¹⁵⁵ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 64.

¹⁵⁶ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 64.

тельства производить в отношении материально-технического снабжения наравне с оборонными стройками»¹⁵⁷.

На малой родине Козьмы Минина. Хотя многие целлюлозные и бумажные фабрики и комбинаты остались на оккупированной территории, строительство новых комбинатов с участием ГУЛАГа не понадобилось. Спас положение крупный поставщик газетной и писчей бумаги, построенный в Горьковской (ныне – Нижегородской) области ещё в 1928 г. в связке с планом ГОЭЛРО – Балахнинский целлюлозно-бумажный комбинат.

После ухода на фронт мужчин вместо 4000 работающих осталось 2500, в основном – женщины и подростки – выпускники Балахнинского ремесленного училища. Они совершают истинный трудовой подвиг. В первую военную зиму, оставшись почти без поставки из лес-промхозов пяти соседних областей (железная дорога даёт «зелёный свет» только военным грузам), большая часть коллектива и откликнувшиеся на призыв бумажников сельские труженики района прокладывают по льду Волги узкоколейку длиной в 8 км – до Ковровского лесопункта во Владимирской области. Лес валят лучковой пилой, в вагонетки впрягают лошадей. Вырубая топорами вмёрзшие в лёд брёвна. После 10–12-часового трудового дня, выполняя план на 200 %, спешат на склад – помогать грузить огромные тяжёлые рулоны бумаги: чтоб не простаивали вагоны, сразу отправлялись в типографии. В цехах развешивают наглядную агитацию: «Рулоны бумаги – такие же снаряды!», «Одна тонна бумаги – это 1 млн листовок во вражеский тыл! Это 125 тыс. экз. газет!»¹⁵⁸

В 1942 г. коллектив комбината через газету «Правда» обращается к бумажникам страны с призывом начать соцсоревнование за наращивание производства бумаги, взяв обязательство давать ежемесячно сверх плана не менее 2 млн кв. м бумаги. Выполняют с честью.

Листовки вместо газет и журналов. Но необходимость издавать многие миллионы листовок, а также расширить военную печать – газеты и боевые листки, выходящие для армии и флота, массовые издания военно-технической, военно-оборонной и военно-патриотической литературы для фронта, советского тыла, оккупированных областей и партизан вынуждает идти на закрытие многих периодических изданий и сокращение тиражей.

Газетно-журнальный мир СССР переносит за годы войны три крупных сокращения: в декабре 1941 г., в апреле 1942 г. и в феврале 1943 г. Если до войны СССР издаёт свыше 8800 наименований газет общим тиражом в 40 млн экз., то к 1943 г. остается 4561. Журналов печаталось 1800, в 1942 г. их – 350 наименований¹⁵⁹.

Даже «Правда» сокращает свой гигантский тираж в 3 млн экз. наполовину. Временно закрываются многие отраслевые издания, например, «Лёгкая промышленность», «Чёрная металлургия», «Нефть», большинство многотиражек на предприятиях, журналы «Советская наука», «Советское студенчество», «Красный архив», такое одиозное издание, как «Безбожник», и другие.

Но, выходят, пусть и меньшими тиражами, меньшим объёмом и периодичностью, газеты, имеющие постоянно высокое число подписчиков: «Правда», «Комсомольская правда», «Пионерская правда», «Красная звезда», «Красный флот», «Красный спорт», «Труд», «Гудок», «Социалистическое земледелие», «Совхозная газета». Не прекращается издание двух важнейших для духовного и физического здоровья народа газет – «Учительской» и «Медицинского работника». Некоторые издания в целях экономии бумаги претерпевают различные изменения, слияния: «Речной транспорт» и «Морской транспорт» объединяются в «Водный транспорт». «Авиационная газета» преобразовывается в газету ВВС «Сталинский сокол», Осоавиахимовская «На страже» – в «Военное обучение». Газеты культурного фронта: «Советское

¹⁵⁷ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 64.

¹⁵⁸ Горьковчане в Великой Отечественной войне. Горький, 1990. С. 69.

¹⁵⁹ Народное хозяйство СССР 1922–1972 гг.: Юбил. Стат. Ежегодник. М., 1972. С. 848.

кино», «Советское искусство» и «Литературная газета» сливаются в единую – «Литературу и искусство», которая только в 1944 г. разделится на «Литературную газету» и «Советское искусство».

Не миновало сокращение и идеологические издания. В 1941 г. временно приостанавливают выпуск журналы «Партийное строительство» и «Комсомольский работник».

«Боевой отряд» советских журналов создаёт... ноосферу. В годы войны по-прежнему выходят журналы для женщин «Работница» и «Крестьянка». Ярким вызовом войне, признаком скорого возврата мирной жизни становится журнал Гизлегпрома «Модели сезона», даже в суровом 1942 г. выходящий тиражом в 100 тыс. экз.! Среди его моделей – брючные костюмы и комбинезоны, «отвечающие требованиям военного времени»¹⁶⁰, и повседневные платья с кроем и вышивкой по народным мотивам, и даже вечерние «заграничные» наряды. В победном 1945 г. выходит первый выпуск «Журнала мод» – теперь на белой офсетной бумаге, многоцветный, большого формата.

Для молодёжи издаются журналы «Смена», «Техника – молодёжи». Для подростков – «Дружные ребята» и «Пионер». Для малышей – «Мурзилка». Для широкого читателя с разными пристрастиями и вкусами – «Огонёк», «Природа», «Наука и жизнь», «Военная мысль» и др. Выходит «боевой отряд» общественно-политических и литературно-художественных журналов – трибуна советских писателей, средним тиражом 30 тыс. экз., на скромной типографской бумаге – «Новый мир», «Знамя», «Звезда», «Октябрь», «Интернациональная литература» и «Ленинград», издаваемый в блокадном городе-крепости. Воениздат выпускает литературно-художественный журнал «Красноармеец», спрос на который увеличивает тираж до 200 тыс.

Среди журналов военных лет – «Советская педагогика», «Дошкольное воспитание». «Начальная школа», «Учебно-воспитательная работа в детских домах», «Советское здравоохранение», «Санитарная оборона»...

Выходят, переживая лишь сокращения в периодичности и объёме, научные издания: «Вестник Академии наук СССР» и её республиканских отделений, «Вестник высшей школы», «Известия Всесоюзного географического общества», «Труды...» многих вузов и НИИ, бюллетени и альманахи по практически всем областям науки и техники – от физики, химии до ветеринарии и микробиологии.

Всемирно значимое открытие академика АН СССР В.И. Вернадского – о ноосфере, сфере разума, публикуется в журнале «Успехи современной биологии», возвещает учёному миру планеты: «Исторический процесс на наших глазах коренным образом меняется. Впервые в истории человечества интересы народных масс – всех и каждого – и свободной мысли личности определяют жизнь человечества, являются мерилем его представлений о справедливости. Человечество, взятое в целом, становится мощной геологической силой. Это новое состояние биосфер... и есть ноосфера... в переживаемой нами великой трагедии мы пошли по правильному пути, который отвечает ноосфере»¹⁶¹.

...И уже в 1942 г. изыскиваются резервы бумаги для возобновления работы журнала ЦК ВКП(б) «Партийное строительство». С мая 1942 г. издаётся газета «Московские новости» (на английском, французском, испанском и немецком языках). Открывается орган еврейского антифашистского комитета газета «Эникайт» – «Единение». Появляется еженедельник «Британский союзник» – издание посольства Великобритании. В 1943 г. начинают выходить новые периодические издания: «Журнал Московской Патриархии», «Славяне», «Война и рабочий класс». В 1945 г. возобновляется журнал «Комсомольский работник», правда, тиражом всего 15 тыс. экз. Информационное бюро США начинает выпуск журнала «Америка». Выхо-

¹⁶⁰ Модели сезона. М., 1942. С. 5.

¹⁶¹ Успехи современной биологии, 18. Вып. 2. 1944. С. 118–120.

дят журналы: «Социалистическая законность», «Новое время», «Искусство кино», «Театр», «Советская женщина», «Проблемы Арктики»...

Ради «нескольких строчек в газете». Если вспомнить, что многие редакции и типографии центральных газет и журналов эвакуированы в тыловые города Поволжья и Урала, а в Москве остались зачастую только военные корреспонденты, то регулярный безостановочный выход утверждённого списка газет и журналов заставляет поражаться трудовому подвигу людей, призванных обеспечить весь производственный цикл издания: от лесозаготовителей, бумажников, типографских работников до главных редакторов и журналистов, не щадящих себя ради «нескольких строчек в газете», выпускающих газету в срок при сокращённых штатах сотрудников. Даже «Правда» делается в Москве всего десятком сотрудников.

...Уполномоченный ГКО по обеспечению населения Ленинграда и войск Ленинградского фронта продовольствием Д.В. Павлов вспоминает, что лишь однажды за всё время блокады не вышла в свет городская газета «Ленинградская правда», и не потому, что была не подготовлена редакцией, а потому, что типография не смогла напечатать тираж – в январе 1942 г. в городе не было электроэнергии¹⁶².

Центральные газеты ещё в 1943 г. вспоминают о боевой форме массовой работы 30-х гг. – выездных редакциях на промышленные, сельскохозяйственные, транспортные предприятия. Как правило, журналисты появляются на отстающих участках, разбираются с причинами производственных срывов, и это способствует партийно-хозяйственным органам устранять недостатки. Газета «Труд», например, ежегодно отправляет выездные редакции на торфоразработки, «Социалистическое земледелие» работает в разных областях и краях на севе и уборке урожая. «Московский большевик» выпускает листовки-газеты для метростроителей Покровского района Московского метро.

«Мы совсем отстали от жизни...» Областные уполномоченные Комиссии Комитета партийного контроля (КПК) при ЦК ВКП(б) систематически проверяют, как поставлена агитационная работа на промышленных предприятиях, в колхозах и совхозах. Уполномоченный КПК при ЦК ВКП(б) по Ивановской области В. Татаринцев 19 мая 1944 г. докладывает секретарям ЦК ВКП(б) Г.М. Маленкову и А.А. Андрееву о результатах проверки агитационной работы на текстильных предприятиях: «Проверкой установлено, что политическая информация рабочих о военном и международном положении страны до сих пор поставлена слабо... Агитация слабо увязывается с хозяйственными задачами и крайне недостаточно популяризируется опыт передовиков»¹⁶³.

Отметим эту важнейшую черту работы советской пропаганды – увязывать непосредственные задачи каждого предприятия с глобальными проблемами, стоящими перед всей воюющей страной. А также отметим, что вопреки ныне распространённому мнению о «навязчивости» пропаганды, её якобы неэффективности, ненужности и неприятии простыми людьми, архивные документы свидетельствуют об обратном. Например, работницы фабрики им. Дзержинского г. Иваново Дворова, Сидягина и другие рассказывают контролёрам КПК: «Мы совсем отстали от жизни, нас никто не собирает и о войне нам никто не рассказывает. Мы узнаём о победах от тех, у кого есть радио, а ведь знаете, пока до нас дойдёт, половину перепутают...»¹⁶⁴ Тазовщицы тт. Гаврилова, Савичева, мобилизованные из Ильинского района, рассказывают: «Вот уже мы здесь работаем более трёх месяцев, а нас никто ни разу не собирал и не спросил, как мы привыкаем к фабрике, как осваиваем квалификацию. Здесь хуже, чем в деревне, отстали от событий. Что делается сейчас на фронтах Отечественной войны, узнаём

¹⁶² Павлов Д.В. Ленинград в блокаде. Л., 1985. С. 178.

¹⁶³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 258. Л. 42.

¹⁶⁴ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 258. Л. 42.

только от соседок. В колхозе, как только возьмёт какой город наша Красная Армия, нас собирали в читальне и рассказывали, а здесь нет»¹⁶⁵.

Однако, представляя руководству страны весь срез общественного мнения, В. Татаринцев приводит в записке и противоположное мнение. На ткацкой фабрике в цехе № 1 комбината им. Балашова агитатор Кузнецова «сообщила, что она уже месяц как не проводила бесед, так как у неё нет времени и у работниц – то же самое, потому что они работают по 11 часов и не соглашаются задерживаться на беседу»¹⁶⁶. Но, как оказывается, даже при столь напряжённом графике работы значительная часть рабочих-агитаторов находит простые и действенные способы донесения важной информации. Начальник цеха Медведев регулярно проводит с рабочими беседы, «чаще всего во время обеда непосредственно в столовой»¹⁶⁷. А ещё «в столовых на чёрных досках мелом пишут названия городов, освобождённых от немецких захватчиков»¹⁶⁸. Мастер ткацкой фабрики, агитатор Мякишев делится опытом: «Я ежедневно слушаю последние новости в 6 часов утра, а после обхожу помастеров и говорю им, какие взяли города, чтобы они рассказали своим рабочим»¹⁶⁹.

Среди недостатков политической работы на некоторых предприятиях проверяющие указывают: в ночных сменах беседы и читки газет не проводятся; сводки Совинформбюро не вывешиваются; в цехах мало наглядной агитации; стенные газеты выходят редко; «агитаторы не знают, как на их участках выполняются нормы выработки рабочими, кто сработал лучше за предыдущие дни»...¹⁷⁰ «У входа в фабрику висит большая политическая карта Европы. Когда-то на ней отмечались флажками продвижения наших войск, а теперь никаких флажков, показывающих положение на фронтах, на карте нет»¹⁷¹.

И самое главное: «Рабочие не имеют возможности выписывать центральные и областные газеты (на 3500 чел. рабочих получают центральных газет – 44 и областной – 187 экземпляров), а газетных витрин нет»¹⁷². А на фабрике Ново-Ивановской мануфактуры: «Газетные витрины, размещённые во дворе фабрики, длительный период времени не использовались, и часть стекол в витрине была выбита. Секретарь парткома т. Козлова объясняет, что вывешивать газеты невозможно, потому что их снимают»¹⁷³.

Результатом многодневной проверки стало областное совещание агитаторов по вопросам агитационно-массовой работы на текстильных предприятиях. В помощь агитаторам-текстильщикам издаётся памятка «Как вести политическую агитацию среди рабочих текстильной промышленности»¹⁷⁴. В Постановлении бюро Ивановского обкома ВКП(б) от 9 мая 1944 г. «О недостатках агитационной работы на текстильных фабриках города Иванова» указывается на изъяны в работе и приводятся положительные примеры: «За последние четыре месяца различными формами агитационной работы (митингами, докладами, лекциями и беседами) охвачено большинство рабочих, служащих и инженерно-технических работников текстильных фабрик. Регулярно (не менее двух раз в месяц) выступают перед рабочими руководящие партийные, советские и хозяйственные работники города с политическими докладами... Бюро обкома ВКП(б) постановляет... обобщить положительный опыт постановки агитационной работы на Меланжевом комбинате, Большой Ивановской мануфактуре и «Красной Талке», сделать его

¹⁶⁵ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 258. Л. 43.

¹⁶⁶ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 258. Л. 43.

¹⁶⁷ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 258. Л. 47.

¹⁶⁸ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 258. Л. 43.

¹⁶⁹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 258. Л. 48.

¹⁷⁰ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 258. Л. 48.

¹⁷¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 258. Л. 43.

¹⁷² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 258. Л. 43.

¹⁷³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 258. Л. 44.

¹⁷⁴ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 258. Л. 50.

достоянием всех текстильных предприятий города Иваново... Обязать и. о. редактора «Рабочий край» т. Манусова и редакторов многотиражных газет организовать на страницах газет обмен опытом массово-политической работы и помещать статьи для очередных бесед агитаторов и др. материалы. Систематически давать обзоры центральных газет и «боевых листов»¹⁷⁵.

Прогруппа оказывает помощь. Не менее важна и агитационная работа на селе. 30 июня 1944 г. зам. уполномоченного КПК при ЦК ВКП(б) по Тамбовской области Шапошников сообщает секретарю ЦК ВКП(б) Г.М. Маленкову «о серьёзных недостатках в организации политических докладов партийных и советских работников для сельского населения в Ламском и Бондарском районах Тамбовской области»¹⁷⁶. Агитколлективы, созданные при сельсоветах в Ламском и Бондарском районах, в период весеннего сева ослабили работу: «Райкомы партии в течение двух-трёх месяцев руководителей агитколлективов не собирали и не инструктировали, а последние, пользуясь бесконтрольностью, работой своих агитаторов не руководили. Агитаторы за бригадами и звеньями не закреплены, в колхозах бывают редко, к беседам не готовятся и производственной жизни колхозов не знают. Например, в колхозе «Пролетарий» Ламского района агитаторами числятся счетовод колхоза Николаева, секретарь комсомольской организации Неронкина, учительница Белова, которые с 13 по 20 июня не были на полях и не беседовали с колхозниками, причем, сами агитаторы в течение семи дней не читали газет...»¹⁷⁷ Среди других вопиющих фактов безответственного отношения к политическому просвещению указываются: «Имеющиеся в районах избы-читальни в большинстве своём с начала сева закрыты и не работают. Радио, как одно из средств политической пропаганды и агитации, в проверенных нами районах не используется. Время, данное для передачи местного материала, заполняется только сообщением материалов из районных и областных газет»...¹⁷⁸

Вскоре в секретариат Г.М. Маленкова докладывается о принятых мерах: «в Тамбовскую область была направлена прогруппа (пропагандистская группа. – О.Ж.) Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) в составе 5 человек сроком с 15 июля по 15 сентября 1944 г. Прочитаны доклады и лекции на политические темы в колхозах, совхозах и МТС (машинно-тракторных станциях. – О.Ж.), также для партийно-советского актива и интеллигенции 15-ти районов. Прогруппа оказала помощь Тамбовскому обкому партии в инструктировании докладчиков обкома и райкомов ВКП(б)... На период уборки урожая Тамбовский обком партии направил в колхозы области свыше тысячи городских агитаторов»¹⁷⁹.

«Приходится одновременно воевать и писать». Политическая агитация и пропаганда на фронтах, безусловно, имеет серьёзные отличия от тыловой, но и тут на помощь политработникам приходит фронтовая печать, сеть которой расширяется: выходят газеты фронтов и флотов, армий и флотилий, дивизий, корпусов, соединений. С 1942 г. стали выходить газеты Закавказского, а вскоре – и других фронтов на языках народов союзных республик – по причине слабого знания призывниками с национальных окраин русского языка. Пришлось решить трудную проблему доставкой в действующую армию типографских шрифтов с литерами разных алфавитов, найти опытных полиграфистов, переводчиков, журналистов, фотокорреспондентов, машинисток, корректоров. К 1943 г. в армии издаётся 64 газеты на национальных языках тиражами от 5 до 8 тысяч с расчётом: один номер на 5–10 человек¹⁸⁰.

¹⁷⁵ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 258. Л. 52–54.

¹⁷⁶ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 258. Л. 74.

¹⁷⁷ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 258. Л. 76.

¹⁷⁸ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 258. Л. 77.

¹⁷⁹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 258. Л. 80.

¹⁸⁰ Попов Н.П., Горохов Н.А. Советская военная печать в годы Великой Отечественной войны. М., 1981. С. 31.

Среди национальных кадров военкоров всемирно известен Муса Джалиль – известный татарский поэт и публицист воюет на Волховском фронте, во 2-й ударной армии, из которой вскоре сбежит и сдастся в плен ее командующий – иуда Власов.

3 июня 1942 г. Джалиль пишет другу Г. Кашшафу: «Военкор – это далеко не мирное и спокойное занятие, приходится одновременно воевать и писать (я не редактор, а военкор, хотя называюсь странно: «литератор-инструктор»)... Я продолжаю писать стихи и песни. Но редко. Некогда, обстановка другая... Крепко дерёмся, дерёмся не на жизнь, а на смерть...»¹⁸¹ Раненым поэт попадает в плен, приговаривается фашистами к смерти за распространение листовок среди военнопленных-татар, но пишет и передаёт на волю мужественные стихи, изданные после войны книгой «Моабитская тетрадь». М. Джалиль удостоен посмертно звания Героя Советского Союза.

«Светлая, священная ненависть». С первых дней вражеского вторжения, публицистика призывает к ненависти к захватчикам родной земли. Алексей Толстой так и называет статью в «Красной звезде» за 24 июля 1941 г. – «Я призываю к ненависти»: «За вторжение в нашу страну – ненависть! За бомбардировки Москвы – ненависть! Потому что для великой цели – победить врага, нужна ненависть. Но не чёрная, которая разрушает души, но светлая, священная ненависть, которая объединяет и возвышает, которая родит героев нашего фронта и утраивает силы у работников тыла»¹⁸².

Через год Михаил Шолохов публикует перепечатанный многими газетами и журналами очерк «Наука ненависти» – документальный рассказ 32-летнего капитана Герасимова – сибиряка, отца двух детей, которого ужаснули страшные следы зверств оккупантов на освобождённой от них земле – истерзанное тело школьницы, ровесницы его дочери, изрубленные, как в мясницкой лавке, красноармейцы... Тяжелораненым он попал в плен, перетерпел пытки голодом, холодом, угрозы быть убитым, как его товарищ по колонне – за поднятую с земли мёрзлую картофелину. Запомнил слова конвоира-убийцы: «Всё это – собственность германского государства, – сказал унтер, широко поводя вокруг рукой. – Всякий, кто самовольно что-либо возьмёт, будет убит». Капитану удалось бежать, сражаться в партизанском отряде, вернуться в часть. Он выстрадал своё понимание этой войны: «Тяжко я ненавижу фашистов за всё, что причинили моей родине и лично мне, и в то же время я люблю свой народ и не хочу, чтобы ему пришлось страдать под фашистским игом». Любовь и ненависть идут с ним рядом»¹⁸³.

Константин Симонов, постоянно бывающий в действующей армии, вступающий в её ряды в освобождённые города и сёла, 18 июля 1942 г. публикует в «Красной звезде» страстные стихи-призыв: «Убей немца!»¹⁸⁴ Илья Эренбург 24 июля того же года в статье «Убей!» посылает воину свой призыв: «Убей немца! Это просит старуха-мать. Убей немца – это молит тебя дитя. Убей немца – это кричит родная земля»¹⁸⁵. Именно по заголовкам обличительных статей Эренбурга: «Фриц-философ», «Фриц-нарцисс», «Осенние фрицы» за немцами закрепляется эта кличка – «фрицы».

С изгнанием «фрицев» за государственную границу СССР, с приближением к территории фашистской Германии руководство страны круто меняет идеологическую установку. 26 марта 1945 г. начальник Главного управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) Г.Ф. Александров в передовой статье «Правды», озаглавленной «Воин-освободитель», проводит резкую черту между фашизмом и немецкой нацией¹⁸⁶.

¹⁸¹ Муса Джалиль в Москве. М., 2006. С. 148–149.

¹⁸² Красная звезда. 1941. 24 июля.

¹⁸³ Правда. 1942. 22 июня.

¹⁸⁴ Красная звезда. 1942. 18 июля.

¹⁸⁵ Красная звезда. 1942. 24 июля.

¹⁸⁶ Правда. 1945. 26 марта.

Прозорливый Илья Эренбург. Но Илья Эренбург 11 апреля 1945 г. публикует в «Красной звезде» статью «Хватит!», в которой напоминает не столько советским читателям, сколько зарубежным идеологам о жертвах фашизма в СССР: «Если есть у мира совесть, мир должен покрыться трауром, глядя на горе Белоруссии. Ведь редко встретишь белоруса, у которого немцы не загубили близких. А Ленинград? Разве можно спокойно думать о трагедии, пережитой Ленинградом? Кто такое забудет, не человек, а дрянной мотылёк»¹⁸⁷.

Кого страстный публицист назвал столь уничижительно, становится понятным из дальнейшего контекста статьи. Объясняя причины ожесточённого сопротивления немцев на подступах к Берлину страхом перед местью советских воинов, рассказывая о толпах деморализованных немецких солдат, с ужасом бегущих от натиска Красной Армии с востока Германии на запад, прямо в плен к союзникам, Эренбург называет всю Германию «колоссальной шайкой» и отмечает возмутительные факты: «Корреспондент «Дейли геральд» описывает, как в одном городке жители обратились к союзникам *«с просьбой помочь поймать убежавших русских военнопленных»*. Все английские газеты сообщают, что в Оснабрюке союзники оставили на своем посту гитлеровского полицейского; этот последний поджёг дом, в котором находились русские женщины.

Корреспондент «Дейли телеграф» пишет, что немецкий фермер требовал: *«Русские рабочие должны остаться, иначе я не смогу приступить к весенним работам»*. Причём английский журналист спешит добавить, что он вполне согласен с доводами рабовладельца... Почему немцы на Одере не похожи на немцев на Везере? Потому что никто не может себе представить следующей картины: в занятом Красной Армией городе гитлеровский полицейский, оставленный на своём посту, сжигает американцев, или немцы обращаются к красноармейцам с просьбой помочь им поймать убежавших английских военнопленных... Нет, людоеды не ищут у нас талантов на человечину, рабовладельцы не надеются получить у нас рабов, фашисты не видят на Востоке покровителей. И поэтому Кёнигсберг мы взяли не по телефону. И поэтому Вену мы берём не фотоаппаратами»¹⁸⁸.

С позиций сегодняшнего дня, зная, как скоро наши союзники по антигитлеровской коалиции угрожающе повернут дула своих орудий в сторону Советского Союза, объявив холодную войну, пригреют в своих военных структурах многих гитлеровских военных специалистов и попытаются пересмотреть итоги Второй мировой войны, можно только удивиться политической прозорливости И. Эренбурга, по сути, более чем прозрачно намекавшего иным «дрянным мотылькам»: «Гитлеровских полицейских посадите под замок до того, как они совершат новые злодеяния! Немцев, которые «ловят русских», образумьте, пока не поздно – пока русские не начали ловить их! Рабовладельцев пошлите на работу, пусть гнут свои наглые спины!»¹⁸⁹

Но советское руководство, по вполне понятным причинам не желающее обострять отношения с союзниками, а также понимающее, что новую Германию придется строить с теми же людьми – рядовыми немецкими гражданами, и важно добиться их лояльности к новой политической ситуации, резко одергивает публициста. Начальник Главного управления пропаганды и агитации при ЦК ВКП(б) Георгий Александров в статье «Тов. Эренбург упрощает» отчитывает коллегу по идеологическому фронту, обходя молчанием косвенные обвинения Эренбургом союзников, сосредотачивается на его ошибочном представлении о состоянии германского общества: «В статье «Хватит!» говорится, будто бы *«Германии нет: есть колоссальная шайка, которая разбегается, когда речь заходит об ответственности»*... Если признать точку зрения т. Эренбурга правильной, то следует считать, что всё население Германии должно разде-

¹⁸⁷ Красная звезда. 1945. 11 апреля.

¹⁸⁸ Красная звезда. 1945. 11 апреля.

¹⁸⁹ Красная звезда. 1945. 11 апреля.

лить судьбу гитлеровской клики... тому факту, что *«Кёнигсберг был взят не по телефону»* и *«Вену мы берем не фотоаппаратами»*, нужно дать совсем другое объяснение чем то, которое дано т. Эренбургом на страницах «Красной звезды». Это тем более необходимо, что необоснованность заключений и выводов т. Эренбурга может запутать вопрос и, конечно, не будет содействовать разоблачению провокаторской политики гитлеровцев, направленной на порождение раздоров между союзниками»¹⁹⁰.

Оскорбленный Эренбург пишет 15 апреля 1945 г. письмо самому И.В. Сталину: «В те годы, когда захватчики топтали нашу землю, я писал, что нужно убивать немецких оккупантов. Но и тогда я подчёркивал, что мы не фашисты и далеки от расправы. А, вернувшись из Восточной Пруссии, в нескольких статьях («Рыцари справедливости» и др.) я подчёркивал, что мы подходим к гражданскому населению с другим мерилom, нежели гитлеровцы. Совесть моя чиста. Накануне победы я увидел в «Правде» оценку моей работы, которая меня глубоко огорчила. Вы понимаете, Иосиф Виссарионович, что я испытываю. Статья, напечатанная в Ц.О., естественно, создает вокруг меня атмосферу осуждения и моральной изоляции. Я верю в Вашу справедливость и прошу решить, заслужено ли это мной»¹⁹¹.

Критика позиции писателя в победном 1945 г. красноречиво доказывает – с последними залпами орудий идеологическая война лишь набирает обороты, но вести её надо, используя иные «военные хитрости» и тактические приёмы... Заметим, что заслуги Ильи Эренбурга на идеологическом фронте были отмечены двумя Сталинскими премиями 1-й степени – в 1942 и 1948 гг. и Международной Сталинской премией «За укрепление мира между народами» в 1952 г., двумя орденами Ленина, Трудового Красного Знамени и Красной Звезды, изданием в годы войны многих книг-сборников его ярких публицистических статей и памфлетов.

¹⁹⁰ Правда. 1945. 14 апреля.

¹⁹¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 637.

Читать, чтобы... Победить!

Очевидцы событий обороны Москвы вспоминают драму 16 октября 1941 г., когда взвился в небо странный «чёрный снег» – пепел сгоревших документов, когда замер городской транспорт, когда большинство предприятий приостановили работу, а многие москвичи заполонили шоссе Энтузиастов в надежде выбраться из города, казалось, готового сдаться врагу. Паника была остановлена не только усилиями власти, но и волей сознательных москвичей, и уже 17 октября столица оправлялась от потрясения: заводы, фабрики, ведомства, магазины открылись. Побежали по рельсам трамваи. Люди вернулись на свои рабочие места.

В одной из книг, написанных в ревизионистские 90-е гг., историк А.М. Самсонов пишет о тревожных днях октября 1941 г. в Москве: «В Библиотеке им. В.И. Ленина функционировал общий читальный зал. 17 октября здесь было всего 12 читателей»¹⁹². К сожалению, известный историк, выпустивший монографию со ссылками на статьи журнала «Огонёк» как на исторический источник, подпал под модную для начала 90-х гг. прошлого века тенденцию представления начального периода войны исключительно «трагедией поражения». Но разве не правильнее и не честнее было бы сказать о том дне в «Ленинке»: здесь было не ВСЕГО, а ЦЕЛЫХ 12 читателей? Ведь это значит, что были и библиотекари, их обслуживающие, и все они были отчаянно смелыми или философски спокойными, презревшими общую панику и сумевшими углубиться в мир книги, когда, казалось, вокруг рушился мир реальный, верящими, что отстоим столицу. И работали для них библиотекари «Ленинки», научившиеся преодолевать страх, дежуря на крыше под бомбёжками. Ведь уже в ночь с 22 по 23 июля зажигательные бомбы падали на крышу, как горящий горох, угрожая пожаром. Но тушили их споро, храбро, кидая в ящики с песком. Потом подсчитали – ахнули – оказалось, затушили 70 штук!

«Самые результативные читатели». Газета «Вечерняя Москва» осенью 1941 г. неоднократно писала о работе читального зала «Ленинки» и его завсегдатаях, быть может, это именно они были среди тех 12 отчаянно смелых: «Батальонный комиссар Копылов обложен книгами и журналами. Сотрудник Института мировой литературы тов. Беляев редактирует 17 том академического издания А. Пушкина и исследует материалы «Пушкин и его эпоха». Студия «Мосфильм» ставит фильм «Котовский» и его сотрудник подбирает иконографический материал – по форме, знакам отличия немецкой и румынской армий 1918 г. Сотрудник института мировой литературы тов. Бонди изучает материалы на тему «Русская литература в 1812 г.». Сотрудник журнала «Литературное наследство» собирает материалы об англо-русском литературном наследстве»¹⁹³.

Газета подводит итог работы «Ленинки» за тревожный октябрь: «В октябре она получила со всех концов СССР 25 тысяч газет, 700 экземпляров журналов и 6800 книг. В октябре почта доставила 1540 книг и 156 журналов из США, Англии, Австралии, Китая, Японии, Эквадора, Аргентины и Индии. В свою очередь в порядке обмена Библиотека им. В.И. Ленина отправила десятки книг и журналов в Новую Зеландию, Уругвай, Чили, Перу, Египет, Венесуэлу, Марокко, Мексику и другие страны мира. ...Среди посетителей: 1765 студентов, 825 научных работников, 565 инженеров, врачей и юристов, 415 литераторов, 365 учителей, 220 профессоров. В октябре Библиотека им. В.И. Ленина выдала 15 000 книг и свыше 7 тысяч газет»¹⁹⁴.

Библиотеки открывают «метро-филиалы». Война показала, что лучшее в мире московское метро оказалось и лучшим в мире гигантским бомбоубежищем. Мамы с детьми ночуют

¹⁹² Самсонов А.М. Москва, 1941 год: от трагедии поражения – к великой победе. М., 1991. С. 116.

¹⁹³ Вечерняя Москва. 1941. 6 сентября.

¹⁹⁴ Вечерняя Москва. 1941. 11 ноября.

здесь постоянно, их размещают прямо на платформах станций. Самым маленьким выдается молоко, старшие могут скоротать время в кружках вышивания и рисования. Для взрослых на рельсах делают настилы на ночь. Дежурные следят за порядком и нуждами людей. Работают здесь и библиотеки.

Газета «Вечерняя Москва» информирует о планах «метро-филиала» знаменитой «Исторички»: «Публичная историческая библиотека открыла на станции метро «Курская» иллюстративную выставку, посвященную Отечественной войне 1812 года, борьбе с немецкими оккупантами в 1918 году и Великой Отечественной войне советского народа с фашистскими захватчиками. В ближайшие дни на станции метро «Курская» библиотека откроет такую же литературную выставку. Здесь будет представлено много исторических книг и кратких аннотаций. По аннотациям можно выбрать книгу и тут же получить её в передвижной исторической библиотеке. Услугами библиотеки в метро смогут пользоваться не только взрослые, но и школьники старших классов – для них в библиотечном фонде есть много книг. Книги в метро будут выдаваться во время воздушных тревог – по вечерам и ночам. Научные работники библиотеки намечают проводить беседы и давать читателям консультации»¹⁹⁵.

«Районные и клубные библиотеки открыли на всех станциях метро небольшие филиалы»¹⁹⁶, – сообщает «Вечерняя Москва». – Создался постоянный читательский актив. На ст. Охотный ряд выдаётся за вечер 400–500 книг».

В первые дни контрнаступления наших войск «Вечёрка» рассказывает о пристрастиях читателей библиотеки им. А.С. Пушкина: «Почти каждый спрашивает записки Наполеона или партизанские дневники Дениса Давыдова. У юношества в большом почёте книги по аэродинамике, теории полёта, строительству моторов, истории авиации, артиллерийской науке». Уважительно величает газета по имени-отчеству наиболее «результативных» читателей – наборщика Михаила Ивановича Якобсона, техника Алексея Дмитриевича Моногова, булочника Михаила Сергеевича Шишкова и домохозяйку Полину Михайловну Фомичёву, которая «сперва брала книги из серии «Для начинающих», затем переключилась на литературу по воспитанию детей (она выступала с докладами на эту тему), а теперь читает классическую литературу – Пушкина, Толстого»¹⁹⁷.

Газета пишет и о таком показательном факте – число читателей библиотеки им. Ломоносова увеличилось на 30 человек: «Нередко сотрудники библиотеки, возвращаясь из убежища, находят у дверей абонементного зала очередь читателей»¹⁹⁸.

«Бойцы культурного фронта». Представления о тихой и скромной роли библиотекаря – с заполнением формуляров, выдачей книг, проведением читательских конференций кардинально изменяет война, в которой большинство сотрудников книгохранилищ проявляют себя, как пишут газеты военной поры, настоящими «бойцами культурного фронта». Так называют тех, кто на фронтах создаёт дивизионные, полковые и даже ротные библиотеки, как это было, например, на 4-м Украинском фронте¹⁹⁹, и, часто, ввиду обстоятельств, сам участвует в боях. И тех фронтовых книгонош, которые, рискуя жизнью, пробираются на отдалённые участки передовой с книгами, заказанными бойцами (и не всегда находят их в живых) – в любую погоду, летом – в вещмешке, зимой – на санках, под бомбёжкой и артобстрелом. Если погибают, уходит родным печальное извещение со справедливыми словами: «Пал смертью храбрых»...

¹⁹⁵ Вечерняя Москва. 1941. 29 октября.

¹⁹⁶ Вечерняя Москва. 1941. 26 ноября.

¹⁹⁷ Вечерняя Москва. 1941. 17 декабря.

¹⁹⁸ Вечерняя Москва. 1941. 13 ноября.

¹⁹⁹ Красная звезда. 1944. 30 декабря.

Называют «бойцами» культурного, не обозначенного на картах фронта, и тех, кто работает в тысячах библиотек страны – массовых, научных, школьных, вузовских, сельских. И ещё – избачей, заведующих избами-читальнями, юртами-читальнями – единственными очагами культуры далёких селений, куда подчас не успели до войны провести радио и свет. Туда книгоноша или агитфургон, а то и передвижная библиотека, прибывшая вместе с кинопередвижкой, приносят людям праздник.

И как, если не бойцами, назвать тех, кто смог спрятать от фашистской грабьармии книжные сокровища своих библиотек? Директор старейшей детской библиотеки Киева Т.П. Гиба с коллегами успевает в дни отступления Красной Армии спрятать в подвалах и тайниках более 160 тысяч книг. Сотрудник Харьковской библиотеки им. Короленко М.И. Румницкая с группой соратников укрывает в ямах, подвалах 1,5 млн томов²⁰⁰. Работники музея-усадьбы Л.Н. Толстого в Ясной Поляне спешно эвакуируют наиболее ценные вещи и личную библиотеку писателя²⁰¹. Работница Красноярской краевой библиотеки З.Д. Соболева, получив похоронку на сына-лейтенанта, три месяца выхаживает в госпитале раненого бойца Л. Дугала, принимает в семью, помогает поступить в вуз²⁰².

«Комсомольская правда» в декабрьские дни 1943 г. – освобождения восточной части Украины от оккупации – сообщает, что «заведующая Краматорской городской библиотекой тов. Фесенко, прежде чем покинуть город, спрятала 150 самых ценных изданий. Сотрудник Харьковского университета А. Борщ в железном ящике закопала старинные альбомы итальянских архитекторов (подобные экземпляры имелись только в Лувре), первые издания Коперника и Ломоносова». А вот два альбома гравюр с автографом Рубенса попали в руки грабьармии Розенберга и были подарены Герингу на выставке ценностей восточных территорий, открытой в Берлине в 1942 г.

По далеко не полным данным, на оккупированной территории СССР уничтожено, сожжено, разграблено более 100 млн изданий! Только в Киеве сожжено до 4 млн книг.

Особенно пугает фашистов советская литература. В объявлении новой власти в Старобельске Ворошиловградской области (ныне – Луганская народная республика) сообщалось: «Населению города приказываю немедленно сдать все большевистские листовки и вообще весь пропагандистский большевистский материал, затем немецкое и всякое другое оружие (оружие – на втором месте! – О.Ж.). Кто до января 1943 г. не выполнит этого распоряжения, будет расстрелян!» Совсем не шутили фашисты.

«Книжный голод и книжный паёк». В годы войны входят в жизнь такие понятия, как «книжный голод» и «книжный паёк». И приравнивается книга к стратегическим, строго нормированным продуктам – хлебу, соли, спичкам, мылу.

Если дефицит продуктов питания вызывает необходимость введения их нормированного распределения, и в повседневную жизнь страны входят такие понятия, как «карточки», «лимитные книжки», «пайки», то и к книгам, как к духовной пище, отношение особое. Выражение «книжный паёк» встречается в официальных документах.

Когда легендарный шахтёр Алексей Стаханов, в годы войны занимающий уже бюрократическую должность в Наркомате угольной промышленности по широкому внедрению движения своего же имени – стахановского, обращается к И.В. Сталину с письмом, в котором просит об увеличении зарплаты, снижении квартплаты, содействия в получении дачи и машины, разбирающиеся с этим вопросом сотрудники аппарата ЦК прежде всего отмечают, что, удо-

²⁰⁰ Известия. 1943. 9 декабря.

²⁰¹ Макасова Л.В. В рядах воюющего народа / Из истории советской культуры в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. М., 1965. С. 71.

²⁰² См.: Учительская газета. 1944. 8 марта.

влетворив пожелания Героя труда, «ему крепко указали на то, что он должен перестроиться, чтобы не ходил по ресторанам, не допускал разгула»²⁰³

²⁰³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 310. Л. 33–34.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.